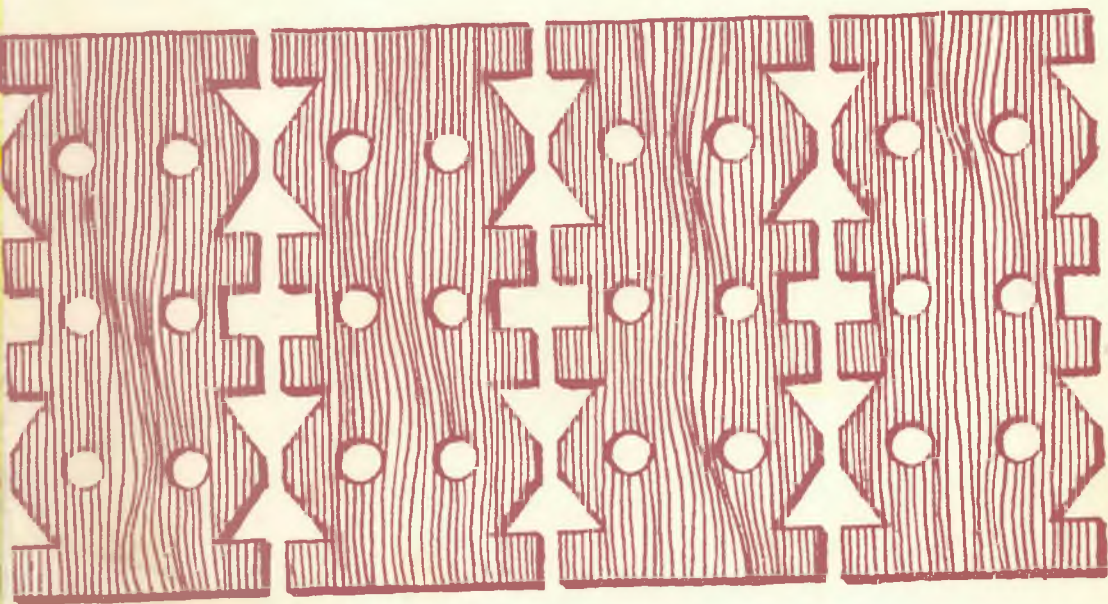

К - 743041

В. ВРФИНСКИЙ

ДЕРЕВЯННОЕ
ЗОДЧЕСТВО
КАРЕЛИИ

В.П. ОРФИНСКИЙ

Scan Pirat

ДЕРЕВЯННОЕ
ЗОДЧЕСТВО
КАРЕЛИИ

В книге освещается гражданское и культовое деревянное зодчество Карелии в процессе его развития на примере наиболее характерных и интересных памятников. Особое внимание уделяется анализу национальных особенностей архитектуры карел и ее связи с русским деревянным зодчеством.

Книга иллюстрирована photographиями с натуры, обмерными чертежами и рисунками. Она предназначена для архитекторов, искусствоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся народным искусством.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Введение	6
I. Планировка и застройка поселений	8
II. Гражданские постройки	13
Общее решение жилища	—
Архитектурно-композиционное решение жилищ	30
Конструктивное решение жилищ	38
Декоративное убранство жилищ	41
Отдельно стоящие хозяйственные постройки	47
III. Культовые постройки	54
Клетские часовни и церкви	—
Шатровые храмы	74
Другие типы культовых сооружений	92
Заключение	110
Комментарии	113
Краткий словарь специальных терминов	116
Использованная литература	118

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед советскими зодчими стоит важная задача — привести в отечественную архитектуру черты индивидуальности, непохожести, подчеркнуть ее местные национальные особенности.

Естественно, что эту задачу нельзя решить без проникновения в сущность архитектурного наследия, без глубокого понимания тенденций и особенностей развития зодчества прошлых эпох, чтобы, не вставая на путь поверхностного подражания и стилизаторства, рассказать языком современных архитектурных форм о созданной предками красоте.

При определении дальнейших путей развития современной архитектуры Советской Карелии вполне закономерно желание обратиться к опыту карельского народа, тем более что народное деревянное зодчество карел еще недостаточно изучено и довольно распространены сомнения относительно его национального характера.

Задача настоящей книги — наметить общую картину формирования и развития деревянного зодчества на территории Карелии на основании натурного изучения памятников, проведенного автором в период с 1950 по 1970 г., привлечения

литературных и архивных источников (подборку архивных документов по культурной архитектуре Карелии, часть из которых публикуется впервые, выполнила В. Ф. Хеглунд).

В хронологическом отношении рассматриваются постройки до конца XIX — начала XX вв., когда в результате общего кризиса Российской империи народное искусство пришло в упадок. Ранняя граница рассматриваемого периода, определяемая главным образом существующими сооружениями, довольно условна, так как устойчивость традиций и относительная неподвижность крестьянского быта до Октябрьской революции обуславливали длительное сохранение архаичных типов построек или отдельных архитектурно-конструктивных решений.

Если читатель проявит интерес к памятникам народного искусства Карелии, почувствует их прелесть и поймет основные особенности и закономерности их развития, задачу настоящей книги можно будет считать выполненной — интерес к памятникам, ощущение и понимание их красоты не могут пройти бесследно и, в конечном счете, должны принести практические плоды.

ВВЕДЕНИЕ

Материальная культура любого народа, неотъемлемой частью которой является архитектура, в результате контактов этого народа с соседями неизбежно приобретает различные наслоения. Это можно сказать и о культуре карел, в которой из-за специфики исторического развития края прослеживаются черты вепсской, финской, саамской и особенно сильно — русской культуры [35, с. 19].

Уже в XI в. карелы были связаны со славянами, а первые переселенцы из новгородских земель и с Верхнего Поволжья оседали в Обонежье и Поморье. В XII в. часть территории Карелии вошла в состав Новгородской феодальной республики, а в XV в. Карелия вместе с Новгородом вошла в Русское государство, в рамках которого окончательно сформировалась карельская народность.

К XIX столетию восточная часть края имела преобладающее русское население, в то время как западная часть была заселена карелами (граница между территориями с русским и карельским населением к тому времени проходила примерно по линии современной Октябрьской

железной дороги). Но и население западной части края было неоднородно по своему составу. Так, юго-восточную часть Прионежья, в окрестностях Шелтозера, заселяли немногочисленные вепсы — потомки некогда могучего племени веси. В результате общения древних вепсов и карел образовались две этнолингвистические группы — приладожские карелы (ливвики) и прионежские карелы (людьки), заселяющие юго-западную часть края [30, с. 196]. Средняя и северная Карелия была заселена собственно карелами, которые, по словам Р. Ф. Тароевой, в процессе своего расселения «столкнулись с редким, но чрезвычайно самобытным по своей культуре лопарским населением и ассимилировали его» [35, с. 212].

Разделение карельского народа на собственно карел и южных карел (ливвиков и людьков) предопределило некоторые различия в их культуре, обусловленные более сильным русским влиянием на юге Карелии и культурными контактами с соседними народами: с вепсами — на юге, с лопарями, а позднее финнами — на севере. Но общение между карелами облегчалось общностью происхождения и связанной с ним общностью языка, что

в конечном счете обусловило культурную общность карел [29, с. 75]. И точно так же «как ни сильно было русское влияние, оно не вело к обрусению карельского народа, сохранившего в последующие века и свой язык, и свою культуру» [29, с. 76. Ср.: 35, с. 19; 212].

Большое значение для формирования деревянной архитектуры Карелии имели особенности экономического развития края: интенсивная хозяйственная жизнь Обонежья новгородских времен (XI—XV вв.), угасшая после присоединения к Москве в результате смещения на восток основных торговых путей, вновь ожили в начале XVII в. в связи с развитием здесь металлургической промышленности. Позднее, во второй половине XVIII в., сохранению относительно высокого уровня экономики в крае способствовала торговля преимущественно лесом и продуктами морских промыслов. Затем, начиная с первой половины XIX в., в период разложения крепостнического строя, Карелия постепенно превратилась в отста-

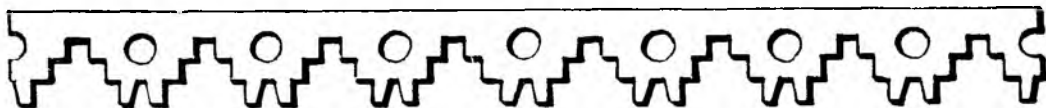
лую окраину России — здесь из-за бездорожья и низкой плотности населения развитие капитализма происходило относительно медленно.

Такова общая картина экономического развития края. Однако необходимо сразу же оговориться — различные части Карелии развивались с разной интенсивностью. Естественно, что периоды расцвета экономики способствовали оживлению архитектурно-строительной деятельности, а экономические спады приводили к своеобразной стабилизации сложившихся архитектурно-строительных традиций.

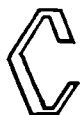
В значительной степени успехи народной культуры и искусства Карелии обусловлены фактическим отсутствием здесь крепостного права.

Все перечисленные особенности исторического развития карел определили собой специфические черты их архитектуры, памятники которой, вместе с русскими постройками края, входят в сокровищницу народного искусства нашей страны.

I. ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА ПОСЕЛЕНИЙ

тарые карельские поселения — группировки похожих домов, вереницы или живописные россыпи построек, вписанных в рельеф или оконтуривающих берега водоемов, созвучных треугольностью своих силуэтов зубчатым контурам окружающих лесов, — удивительно многообразны, как многообразна природа Карелии. И хотя поселения складывались стихийно, здравый смысл и интуитивное чувство ансамбля помогли крестьянам органично вписывать свои дома в ландшафт и существующую застройку. Черты особой непохожести одного поселения на другое придают им часовни и церкви, нередко окруженные еловыми или сосновыми рощами. Обычно такие церкви расположены на возвышенности в самом поселении или на некотором расстоянии от него и хорошо просматриваются отовсюду, доминируя над застройкой и обогащая ее силуэт.

Издавна в Карелии заселялись преимущественно берега рек и озер — основным занятием населения являлось рыболовство. Поселения водораздельного и придорожного типа, судя по писцовым книгам, вплоть до начала XIX в. состав-

ляли всего 4%, и лишь к концу столетия в связи с развитием колесного транспорта их количество резко возросло [3, с. 256].

В Карелии наиболее древним и широко распространенным типом поселений является деревня. Слово *kylä*, обозначающее «деревня», встречается в карельском и вепском языках. То же слово в финских диалектах и дальних родственных языках обозначает «дом» [37, с. 24]. На этом основании этнографы Р. Ф. Тароева и В. В. Пименов пришли к выводу, что скорее всего первоначально оба значения термина совпадали и означали однодворную деревню [30, с. 219; 33, с. 79].

До середины XVI в. однодворные и двухдворные деревни являлись основным типом поселений в Обонежье [30, с. 220]. Лишь в XVI в. здесь появились многодворные деревни [35, с. 80], которые, однако, не стали преобладать даже в следующем столетии — недаром в писцовых книгах того времени часто встречаются такие, например, записи: «...и всего один двор крестьянский, а по писцовым книгам в той деревне то ж»¹.

Размеры деревень в южной Карелии в условиях примитивного сельского хо-

зяйства определялись небольшими размерами участков, пригодных для земледелия и позволяющих вести хозяйство силами одной семьи. Иное положение сложилось в Поморье и некоторых других частях северной Карелии, где основным занятием населения являлись рыбная ловля и охота. Здесь уже в средние века существовали многодворные деревни, что вызывалось потребностями промыслов.

Другой тип поселения — погост — сложился в Карелии под русским влиянием на основе общинного землевладения — его границы первоначально совпадали с границами сельской общины. Позднее погост становится административным и религиозным центром, объединяющим группу деревень.

На территории Карелии представлены три способа расселений. Первый из них — гнездовой, наиболее древний, связанный с существованием племенной организации, сложился на рубеже I и II тысячелетий н. э. и представляет собой обособленные группы тяготеющих друг к другу деревень (подробнее см. [2]). Второй — разбросанно-хуторской получил распространение преимущественно в северо-западной Карелии в начале XIX в. и связан с развитием капитализма в специфических условиях края с примитивным земледелием и слабым развитием сельской общины [31, с. 7]. Третий сложился на севере в крупных промысловых и торговых селах, которые не имели тяготевших к ним деревень [19, с. 50].

Несмотря на отсутствие планов древних деревень Карелии, на основании существующих поселений различных районов края можно составить представление об эволюции планировочных решений

и их зависимости от природных и хозяйственно-экономических условий.

Северная Карелия. Деревни разбросаны на десятки километров друг от друга. Местами до сих пор и зимой и летом можно ездить только на дровнях; каменистые тропы-дороги непригодны для любого колесного транспорта. В этих условиях повышалось значение водных путей как летом, так и зимой (санные дороги по льду). Реки и озера являлись не только транспортными путями, но и базой для рыболовства — основного занятия населения. Поэтому дома здесь, как правило, ориентировались главными фасадами на озеро или реку и располагались рядами вдоль берега (чаще всего в один ряд). Нередко дома обращались главными фасадами одновременно на озеро и на юг или юго-запад — огромные незаселенные пространства позволяли человеку при выборе участков строительства проявлять особую разборчивость.

Часто крестьяне, строя жилье, предпочитали сырые прибрежные участки сухим, но удаленным от водоемов. В результате линейность застройки многих северных деревень с прибрежно-рядовой планировкой, определяемая характером местности, довольно условна. Причем, как правило, в более глухих деревнях застройка носит менее регулярный характер.

Примером может служить куст Вокшезерских деревень Кемского района (Рудометово, Вокшезеро и Кокорино), окруженный труднопроходимыми болотами и лесами (рис. 1, А). Длительная изоляция Вокшезерского куста от остальной территории района способствовала сохранению здесь древних традиций, одной из которых

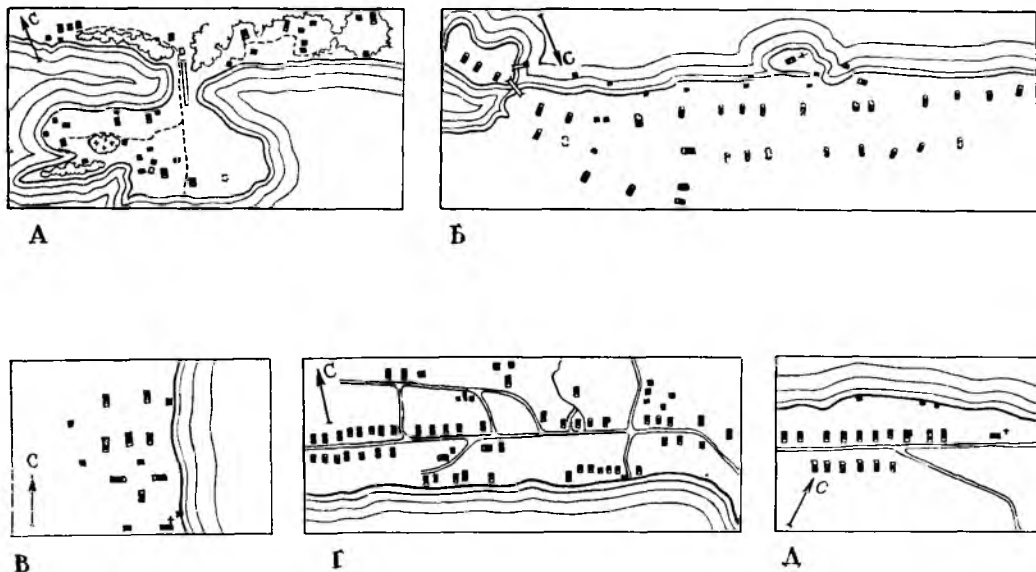

Рис. 1. Схемы планировки деревень

Рис. Г. Х. Логинской по материалам автора
 А — село Вокшезеро Кемского района; В — село Большое Лижмозеро Кондопожского района; В — деревня Нельмнаволок Пряжинского района; Г — село Койкары Кондопожского района; Д — деревня Ваянская пристань Пряжинского района

■ крестьянский дом (светлая часть — жилая; темная — хозяйственная)

является беспорядочная планировка деревень. Разбросанность и нерегулярность такой планировки вызвана стремлением в условиях пересеченной местности выбрать для постановки домов более благоприятные участки.

Беспорядочная планировка встречается на западе средней и южной Карелии (см. рис. 1, В), а отдельные элементы такой планировки можно проследить

и в восточных частях края с карельским населением. В этом отношении интересно деревня Большое Лижмозеро Кондопожского района, в которой при общей прибрежно-рядовой планировке (два порядка домов вытянулись вдоль озера и обращены к нему своими главными фасадами) восточная часть застроена беспорядочно (см. рис. 1, Б).

Р. М. Габе отмечает, что «беспорядочность» планировки селений можно наблюдать не только у карел в пограничных с Финляндией местах, но и у других финских племен, населяющих Ленинградскую область и по тем или другим причинам не утративших черты своей самобытности» [6, с. 13—14]. Об этом же говорят многие русские и финские исследователи.

Переход от беспорядочной планировки к прибрежно-рядовой, по-видимому, связан с развитием товарообмена и нарушением замкнутости отдельных деревень. На севере Карелии, где, как уже отмечалось, связь между деревнями осуществлялась преимущественно водным путем, реки и озера стали главными деревенскими «проспектами», подчинившими себе всю планировку деревень. В дальнейшем, в связи со строительством дорог, особенно в южной, относительно густо населенной части края, и с уменьшением здесь удельного веса рыболовства в крестьянском хозяйстве, реки и озера потеряли свое былое значение, и на смену прибрежно-рядовой пришла уличная планировка деревень, в которой дома главными фасадами стали ориентироваться на дорогу. В селе Койкары Кондопожского района как бы столкнулись два планировочных принципа: часть домов обращена главными фасадами на озеро, тогда как другая часть — на дорогу (рис. 1, Г). Показательно, что в южной Карелии, по мере движения с запада на восток от финских районов к русским, наблюдается все меньше отклонений от регулярности в планировке деревень. Причем это относится не только к деревням, расположенным на водоразделах, но и к прибрежным деревням. В последних при многорядной застройке ближний к берегу ряд домов также обращен главными фасадами на улицу, словно демонстративно отвернулся от водоема (рис. 1, Д). Вместе с тем в относительно старых деревнях водораздельно-сележского типа дома ориентированы «по солнцу», на юг. При этом часть из них обращена на дорогу своими дворовыми

фасадами. В русских районах Карельской АССР регулярность планировки деревень выражена особенно ярко.

Интересные сведения сообщил К. К. Романов о планировке заонежской деревни Кондобережская. Деревня дважды горела: первый раз в 90-х годах XIX в., второй раз — в начале XX в. Северная часть деревни была отстроена после первого пожара, и два ряда ее домов, ориентированных на озеро, выходили то главными, то дворовыми фасадами на проходящую между ними дорогу. Зато южная часть деревни, отстроенная после второго пожара, имела уличную планировку, в которой лишь один дом, сохранившийся во время пожара, был обращен к дороге дворовым фасадом. И словно символизируя изменившийся на рубеже двух столетий взгляд на роль дороги в планировке деревни, на стене его двора-сарая красовался балкон [34].

Приведенный пример еще раз подтверждает, что уличная планировка деревень в Карелии получила распространение относительно недавно. Беспорядочная, прибрежно-рядовая и, наконец, уличная планировка — таковы основные этапы эволюции, которая полностью завершилась лишь на юго-востоке и востоке края.

В Карелии, независимо от типа планировки деревни, размещение отдельно стоящих хозяйственных построек неизменно отличалось рациональностью. Так, амбары ставились вблизи изб и по возможности — на берегу водоемов. Такая постановка амбаров, в которых хранилось ценное имущество и, прежде всего, хлеб, обеспечивала их относительную безопасность от пожаров и давала возможность следить за ними из окон домов.

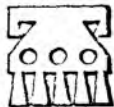
Бани ставились на самом берегу водоемов или даже прямо на воде, и тогда с берега к ним вели дощатые мостики. При отсутствии водоемов бани группировались вблизи колодцев, в некотором отдалении от жилья. Такой постановкой, соответствующей назначению бань, достигалась их изоляция от жилья — черные бани представляли опасность в пожарном отношении.

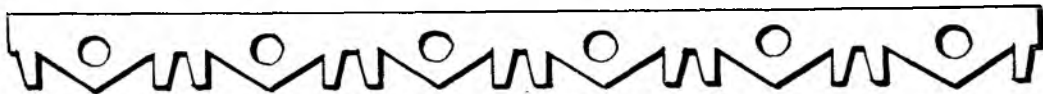
В южной Карелии, главным образом в Олонецком районе, риги ставились в глубине приусадебных участков. Во всех остальных районах риги, как правило, располагались в поле — за деревней, на значительном расстоянии от домов. Такое расположение риг диктовалось противопожарными соображениями и сокращало дальность подвозки снопов.

Поставленные явно без особых композиционных замыслов скромные и неприглядные хозяйственные постройки

в своей совокупности удивительно живописны и вместе с домами создают неповторимый облик северных деревень.

Итак, резюмируя сказанное, следует отметить, что при прочих равных условиях в планировке карельских деревень природные факторы учитывались в большей степени, чем в русских, что выразилось в меньшей правильности и регулярности застройки. Причем это отличие проявляется тем ярче, чем дальше отстоят деревни от районов с преобладающим русским населением (запад и северо-запад края). По-видимому, тенденция к «беспорядочности» и рационализм, основанный на всестороннем учете природных условий, принадлежат к числу особенностей карельского деревянного зодчества, порожденных очень древними традициями. Недаром эти особенности можно проследить в планировке поселений многих родственных финно-угорских племен.

II. ГРАЖДАНСКИЕ ПОСТРОЙКИ

ОБЩЕЕ РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩА

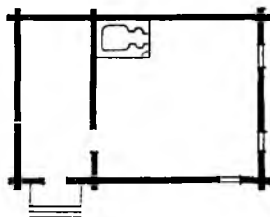
любого народа жилые дома — первичный тип построек, возникший на заре цивилизации как средство защиты от непогоды. Н. Н. Харузин [38], сравнивая постройки финских племен, стоящих на разных ступенях культурного развития, пришел к выводу, что их жилища развивались от шалаша к землянке и от нее — к наземному срубу. Причем старые формы жилья, вытесняемые более прогрессивными, не исчезали, а лишь меняли свое назначение. Пример тому — деревянные черные бани, которые, по мнению Н. Н. Харузина, довольно точно воспроизводят первобытное жилище многих финских племен. Правомочность такого предположения доказывается еще и тем, что бани являлись «священным местом» — с ними у карел связывалось множество обрядов и суеверий. А «священным характером наделяются обычно те хозяйственные постройки народа, которые некогда служили ему жилищем, так как с последним связан культ домашних духов...» [38, с. 26].

Первобытное жилище, вероятно, первоначально вообще не имело окон. В. Майнов застал в ряде карельских деревень обычай заколачивать досками окна изб на зиму [18]. Как знать, не явилось ли это отголоском далеких, полузабытых традиций, связанных с существованием беззаконного первобытного сруба? Характер эволюции жилых домов Карелии можно проследить на примере построек, сохранившихся в различных частях края.

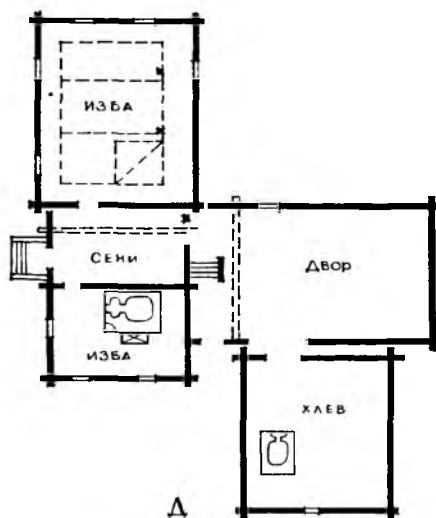
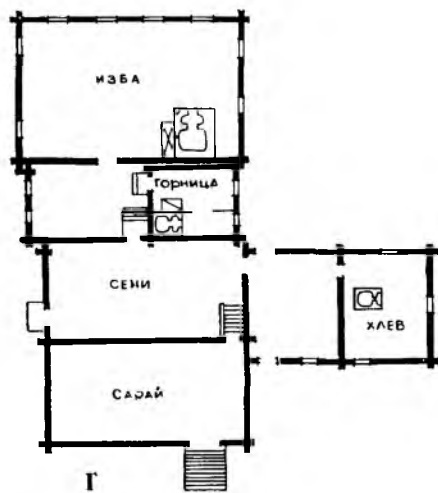
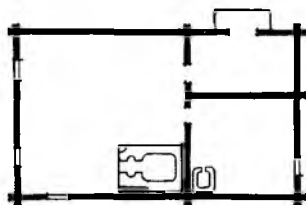
Северо-западная часть Лоухского района была впервые обследована автором совместно с архит. А. С. Дубовским в 1956 г. В те годы в деревнях, расположенных на берегах Пя-озера, были распространены жилые дома следующих типов: 1. Дома, состоящие из избы и сеней (рис. 2, А); 2. Дома, передняя часть которых состояла из избы, а задняя — из сеней и горницы или сеней и кладовой (рис. 2, В); 3. Дома, состоящие из двух изб с сенями между ними (рис. 2, В). Никаких следов домов-комплексов, объединяющих жилые и хозяйственные помещения, обнаружено не было.

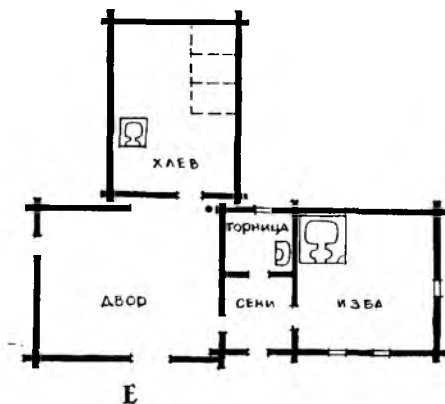
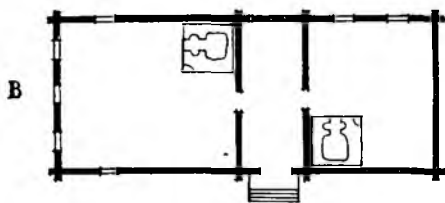
Несколько интересных домов находилось в заброшенной деревне Лайдосалми.

А

Б

Все они имели печи с камельком — очагом в виде ниши, расположенным рядом с печным устьем и имеющим самостоятельный дымоход, и архаичные подпечья в виде опущенного в подполье бревенчатого сруба. (Подобные подпечья обнаружены при археологических раскопках жилища XII в. во Вщиже [1, с. 258]). На некоторых домах сохранились элементы декора, редкие на северо-западе Карелии, а в относительно новых постройках неизвестные вообще (рис. 3, Г и Д). Интересно, что в доме Исакова в д. Костоваара потоки наряду с курицами поддерживались выпусками бревен поперечных стен с вбитыми на их концах деревянными клиньями.

Юго-западная часть Лоухского района, обследованная автором совместно с архит. М. Г. Старченко в 1957 г., сильно пострадала во время Великой Отечественной войны. Судя по немногочисленным довоенным постройкам, прежде здесь строились, наряду с домами описанных выше типов, дома, объединяющие жилье с двором-сараем. К последним относится дом Карпова из Топозерской деревни Кизрека — комплекс разновременных срубов (рис. 2, Г).

Такая же примерно картина наблюдалась и несколько южнее, на северо-западе Калевальского района. Но здесь, наряду с домами-комплексами с неорганизованной связью жилья и хозяйственных помещений, встречались дома с органи-

Рис. 2. Жилые дома северо-запада Карелии
Рис. Г. Х. Логинской по материалам автора
А — дом в деревне Костоваара; Б — дом в деревне Лайдосалми; В — дом в деревне Лайдосалми; Г — дом Карпова в деревне Кизрека; Д — дом № 2 в деревне Кондонаволок; Е — дом № 3 в деревне Кондонаволок

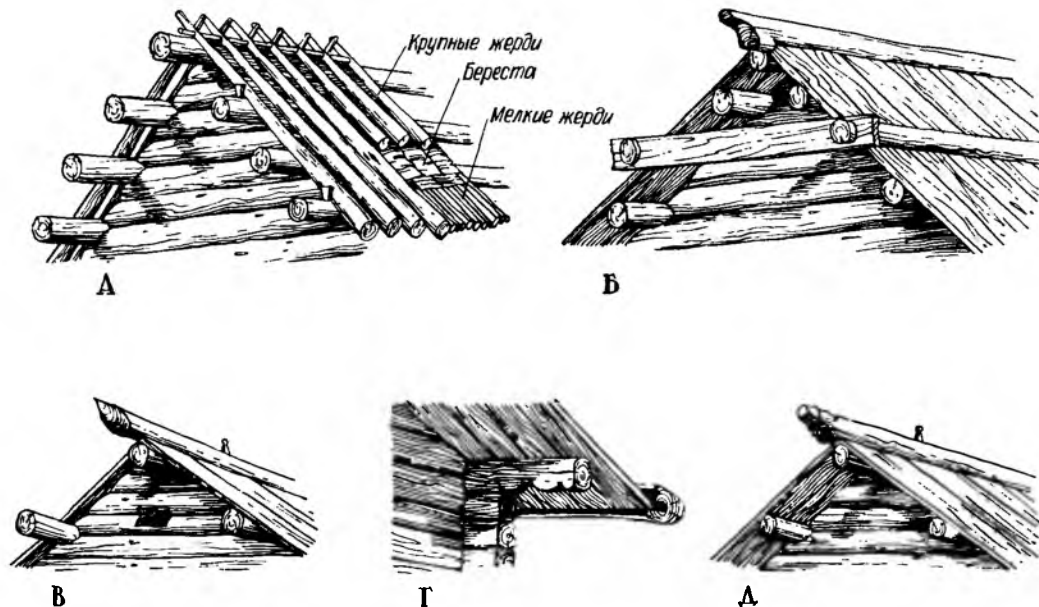

Рис. 3. Конструктивные детали домов северо-запада Карелии

Рис. Г. Х. Логинской по материалам автора
 А — жердевая крыша хозяйственных построек по берегам Пя-озера; Б — крыша амбара в деревне Кизрека; В — шелом дома № 2 в деревне Лайдосалми; Г — кронштейн дома № 3 в деревне Лайдосалми; Д — шелом дома № 3 в деревне Лайдосалми

зованной связью. Больше всего построек сохранилось в деревне Кондонаволок, которая благодаря своему удалению от основных дорог района сравнительно мало пострадала во время войны.

Очень интересен заброшенный дом (условно назовем его № 1), состоящий из двух механически приставленных друг к другу срубов. Передний, более новый сруб занят избой с тремя окнами по главному фасаду, в которой есть печь

с камельком, а задний — сенями и двумя кладовыми, подклет под которыми в прошлом использовался в качестве хлева. По свидетельству местных жителей, заднему срубу более 100 лет. В доме № 2 (рис. 2, Д) жилая часть состоит из двух изб с сенями между ними. Перпендикулярно к боковой стене сеней и задней избы примыкает двор с сараем — прообраз Т-образной связи. Но в данном случае срубы не составляют единого целого — сани и двор соединены крытым переходом, а крыши жилья и сарая не соприкасаются. Примером организованной однорядной связи (жилые и хозяйственные помещения расположены друг за другом) может служить дом № 3 (рис. 2, Е).

Более южная часть Калевальского района обследована этнографическими экспедициями в 20-х годах нашего века, когда там существовали старые постройки, в настоящее время почти полностью разрушенные. «...Здесь, с одной стороны, еще сохраняются очень старинные постройки,— писал Д. А. Золотарев,— с другой стороны, встречаются появившиеся за последние десятилетия постройки, в которых жилой дом отделен совершенно от двора» [13, с. 12].

Юго-западную часть Калевальского района от Вокнаволока до Кондопы описал этнограф Л. Л. Капица [15, с. 24]. Он констатировал наличие здесь изб старого типа в форме буквы «Г», жилое помещение которых объединяется с хозяйственными строениями, и построек нового типа, где жилая часть совершенно отделена от хозяйственной. Он предполагал, что последний тип домов заимствован из Финляндии. Д. А. Золотарев и Л. Л. Капица отметили широкое распространение в обследованной ими части Калевальского района печей с камельком. Р. М. Габе по материалам Этнографического музея в Ленинграде (планов домов, снятых этнологической экспедицией) заключил, что планировка домов Ухтинского (ныне Калевальского) района характеризуется большим разнообразием и сложностью [6, с. 36].

Западную часть центральной Карелии (ныне Муезерский район) обследовали в 1894 г. финские исследователи И. Бломстед и В. Суксдорф. По опубликованным ими материалам можно заключить, что для наиболее старых курных изб характерно отсутствие связи жилых и хозяйственных частей или беспорядочное сое-

динение разновременных срубов. В более новых постройках уже ощущается связь жилья и двора-сарая. Промежуточное положение между новыми домами и очень старыми курными избами занимают постройки, называемые авторами просто «старые дома», в которых заметно стремление к объединению жилой и хозяйственной частей, но план носит еще достаточно хаотичный характер [39].

В юго-западной Карелии (в восточной части Суоярвского и в западной части Пряжинского районов) до последнего времени строились дома-комплексы, но сохранявшиеся еще кое-где в 50-х годах отделы стоящие хлева с сараями наверху дают основание предполагать, что в прошлом здесь также существовали дома, не связанные с хозяйственными помещениями.

Для всей остальной Карелии, безусловно, типичны дома, объединяющие жилье и двор-сарай. Такие дома распространены как в карельских, так и в русских районах края. Нетрудно усмотреть определенную закономерность в распространении типов домов в Карелии. Так, на ее крайнем северо-западе дворы-сарай, пристраиваемые к жилью, неизвестны вообще. Несколько южнее дома без хозяйственных частей встречаются наряду с домами-комплексами и домами с неорганизованной хаотичной связью жилых и хозяйственных помещений, которые являются как бы переходной формой между двумя первыми типами домов. На юго-западе Карелии встречаются только дома-комплексы, типичные для всех остальных районов края с карельским и русским населением (кроме русского Поморья). Таким образом, в настоящее

время юго-восточная граница распространения домов, в которых жилье не связано с двором-сараем, проходит по Калевальскому и юго-западной части Лоухского районов, но, судя по данным И. Бломстеда и В. Суксдорфа, еще в XIX в. она проходила значительно южнее (по Муезерскому району), а в более далеком прошлом, вероятно, совпадала с южными границами территории, заселенной карелами.

В настоящее время общепризнано, что северорусский комплекс жилища сложился в пределах средневековой новгородской земли и распространился при новгородской колонизации по всему Северу [4, с. 65; 6, с. 24]. С другой стороны, выше приводилось мнение этнографов Д. А. Золотарева и Л. Л. Капицы о том, что дома, не соединенные с двором-сараем, заимствованы из Финляндии.

Прежде чем сделать окончательный вывод, рассмотрим хотя бы в самых общих чертах вопрос о русском и финском влиянии в Карелии. Последнее в южной и средней части края наблюдается на сравнительно неширокой пограничной полосе, причем в архитектуре оно проявляется лишь в отдельных элементах и второстепенных деталях позднего происхождения: в вертикальной обшивке стен, в некоторой модернизации орнаментальных мотивов, в применении окантованных бревен и т. д. Иное положение сложилось на северо-западе Карелии, который в конце XIX — начале XX в. подпал под сильное финское влияние. Этому способствовала торговля между жителями селений и волостей Карелии и Финляндии (например, только в 1893 г. в Финляндии перебывало 4139 корабельников из

Кемского уезда [29, с. 287]). По словам Р. Ф. Таровой, посещение Финляндии корабельниками привело к ряду заимствований (например, был заимствован диван-кровать, бытовавший в Карелии в конце XIX в. [35, с. 106]). У ухтинских и кестеньгских карел очень рано «осовременился» интерьер жилищ — исчезли неподвижные лавки и появилась городская мебель [6, с. 54]. Вместе с тем финские влияния, безусловно, «исторически молоды». Очень любопытны наблюдения Д. А. Золотарева, обратившего внимание на то, что в одежде северо-западных карел, наряду с новыми финскими влияниями, ощущаются следы более старых русских влияний. Например, широкое распространение в качестве праздничного платья здесь получили старомодные длинные до пят русские сарафаны. «Как ни странно, подобный наряд не сохранился в такой мере в Кемском крае, а здесь, вдали от Поморья, откуда он проник, ...бытует во всей полноте» [13; с. 16—17].

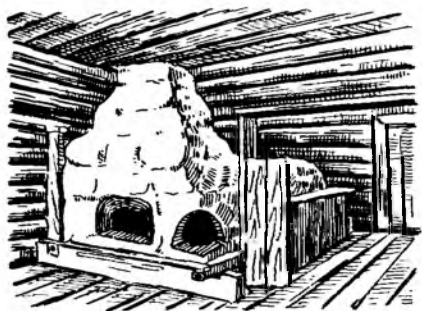
Даже финны восточной Финляндии заимствовали ряд элементов русской материальной культуры, причем проводниками русских влияний скорее всего явились карелы и вепсы [35; с. 214; 30, с. 114].

В Финском музее-заповеднике на острове Сеурасаари находится дом-комплекс из деревни Мойсейнваара (восточная Финляндия). Очень показательна аннотация к памятнику, в которой, в частности, говорится, что этот вид строений, характерный для всей северной России, распространен среди православного населения округа Салми, но его влияние ощущается и на западе [32, стр. 36].

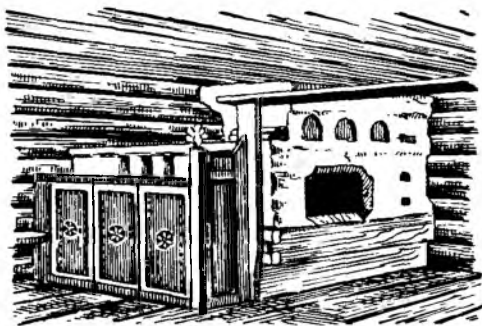
В заключение следует отметить еще одну особенность северо-западной Карелии. «Западный район,— констатировал Д. А. Золотарев,— сохранил в качестве пережитков элементы старой культуры сильнее, чем восточный» [13, с. 16]. Именно здесь были записаны руны Калевалы, собраны интереснейшие этнографические материалы и, в том числе, обнаружены печи с камельком — своеобразное соединение русской печи с открытым очагом (рис. 4, А).

Л. Л. Капица так объясняет возникновение камелька. Возможно, у древних обитателей Карелии был открытый очаг. В дальнейшем в результате культурных контактов с русскими карелы заимствовали у них тип печи, но несколько видоизменили его, устроив привычный очаг. В настоящее время камелек сохранился только в северо-западной Карелии, а в остальных частях края исчез давно и «лишь более широкий и длинный шесток сохраняют сбоку для подвешивания котелка крюк, когда-то бывший принадлежностью камелька» [15, с. 33—34].

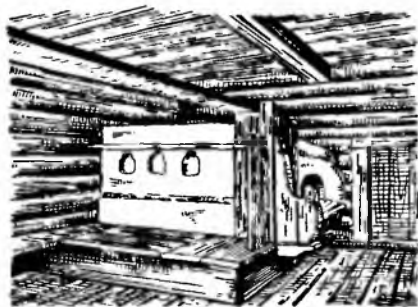
Любопытно отметить, что Д. А. Золотарев на основании обследования северо-западной Карелии в 20-х годах писал, что русская печь с камельком встречается в деревнях Ухтинского района и «в других волостях северо-западной Карелии, например Кестеньгской, но уже утрачена в Кемском районе» [13, с. 12]. А спустя почти 30 лет автор находит

А

Б

В

Рис. 4. Типы печей

Рис. Г. Х. Логинской

А — печь с камельком в деревне Вокшезеро (по материалам автора); Б — печь с «козано» в деревне Петров Наволок (по материалам Р. Ф. Тароевой); В — черная печь (по материалам Р. М. Габее)

в деревнях Вокшезерского сельсовета Кемского района печи с камельком. Деревни Вокшезерского куста отрезаны труднопроходимыми болотами от остальной части района, и поэтому здесь, в частности, сохранились старые типы печей.

Этот пример позволяет предположить, что печи с камельком некогда бытовали и в других частях Карелии и исчезали по мере усиления русского влияния.

Подобие камелька встречается и у других финно-угорских народов, в частности у финнов [44, с. 370]. Но нельзя объяснять сохранение печей с камельком финским влиянием, так как, наоборот, благодаря более тесному соприкосновению с Финляндией в пограничной полосе Карелии «печь эволюционирует дальше в направлении культурного усовершенствования шестка — появление плиты и постепенное исчезновение камелька как потерявшего свой смысл пережитка» [15, с. 33].

Такова в общих чертах картина пространства и переплетения русских и финских влияний в северо-западной Карелии. Она показывает, что ограниченное во времени финское влияние не могло оказать существенного воздействия на развитие карельской архитектуры. А так как и русское влияние ощущалось здесь относительно слабо, то возникали условия для сохранения многих самобытных архитектурных форм.

Возвращаясь к вопросу о происхождении домов крайнего северо-запада, не имеющих хозяйственных пристроек, приходится отбросить первоначальное предположение об их заимствовании из Финляндии, так как финское влияние практи-

чески не ощущалось в Карелии до XIX в., а рассматриваемые дома, хотя в своем большинстве построены в XIX в. и даже в начале XX в., судя по архаичным конструктивным приемам и деталям (печи с камельком и рубленным подпечьем, покрытия из жердей и бересты, конструктивно-декоративные детали безгвоздевой крыши), безусловно, имели древних предшественников, что подтверждается полным отсутствием здесь домов другого типа.

Вероятно, разгадку этого явления следует искать в хозяйственно-экономических условиях края. Как указывает Д. А. Золотарев, население северо-западной Карелии в начале XX в. занималось преимущественно лесными промыслами (извозом, заготовкой дров, сплавом леса), розничной торговлей с Финляндией, рыболовством и охотой (последние уже в то время не имели промыслового значения [14, с. 10]).

На крайнем северо-западе, кроме того, культивировалось оседлое оленеводство (правда, в настоящее время ягельных пастбищ по берегам Пя-озера не сохранилось, но, по рассказам местных жителей, еще до войны здесь разводили оленей), а скотоводство, требующее стойловых помещений, появилось сравнительно недавно и не получило широкого распространения. Поэтому на северо-западе Лоухского района и не возникало необходимости строить дома-комплексы, включающие помещения для скота (двор с хлевом) и запасов кормов (сарай). Кстати, аналогичное положение сложилось в поселениях русских поморов, где также нередко строились дома без развитых хозяйственных помещений.

В южной части Лоухского и в Калевальском районе в 20-х годах нашего века существовало примитивное земледелие — подсечное, к тому времени уже позабытое в других частях Карелии, и развивалось связанное с земледелием скотоводство [15, с. 16]. На примере дома № 1 в деревне Кондонаволоок видно, что первоначально для размещения скота мог использоваться подклет.

Финский ученый У. Т. Сирелиус указывает, что хлева, расположенные под жильем, «сохранились в северной и дальней Карелии, а раньше были и в средней Финляндии» [43, с. 179]. Но скоро этого оказалось недостаточно, и к жилым домам стали пристраивать дворы-сарай, вначале бессистемно, по мере необходимости, затем — в рамках композиционно-целостного дома-комплекса. Способ объединения под общей крышей жилых и хозяйственных помещений карелы, по-видимому, заимствовали у русских. Таким образом, объединение жилых и хозяйственных помещений находилось в прямой зависимости от степени развития сельского хозяйства и, прежде всего, скотоводства.

Еще А. Гейкель писал об основной тенденции развития построек финно-угорских народов — постепенном «вырастании» их из земли [40, с. 139—141]. Стремясь приспособить жилище к условиям Севера, крестьяне подыали его выше уровня снежных заносов, поставив клеть избы на подклет. Любопытно, что подклеты домов в южной и средней Карелии, как правило, выше, чем в северной. По природно-климатическим условиям, казалось бы, должно быть наоборот. Но это несоответствие легко объяснить, если

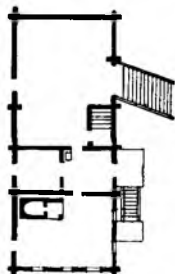
учесть, что процесс формирования жилища на юге края протекал интенсивнее, чем на севере. Поэтому современные южнокарельским домам постройки на севере Карелии по своим типологическим особенностям оказались как бы отодвинутыми в прошлое.

Когда северорусский тип дома-комплекса стал господствующим в Карелии, точно неизвестно. Но во всяком случае уже в XVII в. такие дома получили широкое распространение. Об этом свидетельствуют различные документы. В частности, в купчей на мельницу, двор и землю в Шуе Карельской, проданные Дмитрием Горловым Соловецкому монастырю в 1612 г., описывается дом, состоящий из целого ряда жилых и хозяйственных помещений, а в купчей от 1670 г. описывается «изба и двор со всею связью...» [16, с. 25 и 167].

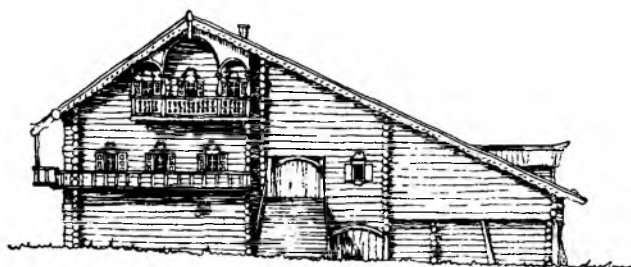
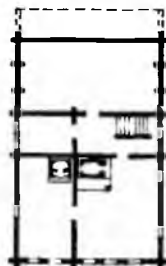
Существующие в настоящее время в Карелии дома-комплексы возникли, вероятно, следующим путем. Когда дом формировался на основе двухчастного жилья (изба — сени), связь жилых и хозяйственных частей чаще всего делалась однорядной, так как в этом случае самым естественным решением было присоединение двора к свободной задней стене сеней, тем более что опыт развития жилья в этом направлении уже имелся — переход от двухчастного к трехчастному жилому дому. Когда же основой формирования дома-комплекса явилась трехчастная изба, то оставались свободными лишь боковые стены сеней и двор-сарай пристраивался сбоку — двухрядная связь (рис. 5, Д). В Карелии двухрядная связь маскируется общей крышей — см., например, дома-кошели (рис. 5, Г).

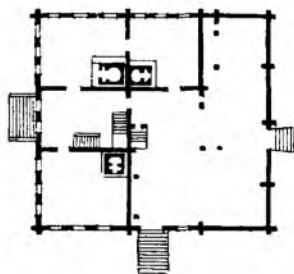
A

Б

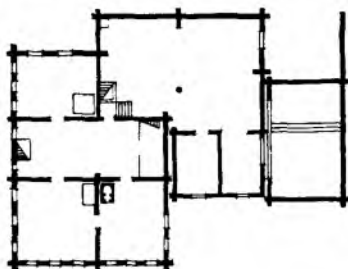

Г

В

Д

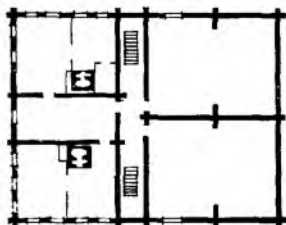

Рис. 5. Типы домов-комплексов

Рис. Г. Х. Логинской

А — дом-брус четырехстенки Мемоева в деревне Паппила (по обмеру автора и В. П. Розина); Б — дом-брус пятистенки в деревне Кудом-губа (по обмеру автора и В. П. Розина); В — дом-глаголь в деревне Мунозеро (по материалам В. П. Бойцова, В. Ф. Хеглунд и автора); Г — дом-кошелев Лепина в деревне Кузнецы (по проекту реставрации А. В. Ополоникова); Д — дом с двухрядной связью Ушакова в деревне Гужово Архангельской области (по обмеру автора и В. П. Розина)

В зависимости от характера связи жилой и хозяйственной частей крестьянские дома на территории Карелии можно разделить на следующие основные типы.

Брус — дом с однорядной связью, перекрытый двускатной симметричной крышей (рис. 5, *А* и *Б*). Часто встречается разновидность домов такого типа — брус с упиренным сараем, в которых хозяйственная часть значительно шире избы.

Кошелек — дом с двухрядной связью (иногда такую связь называют «слитной»), замаскированной общей двускатной несимметричной крышей — скат над сараем более пологий (рис. 5, *Г*).

Глаголь — дом, в котором хозяйственная часть располагается сбоку и позади сеней. В плане глаголь напоминает букву «Г» (отсюда и название типа). Чаще всего такие дома перекрываются разноскатной, с общим коньком крышей: над жильем — симметричной, над сенями и хозяйственной частью — асимметричной. Встречаются дома-глаголи, образовавшиеся из кошелеек путем сдвига хозяйственной части по отношению к жилью (рис. 5, *В*). Вообще дома-глаголи по планировке и объемному решению занимают промежуточное положение между брусом и кошелеем.

Тобразный дом, в котором хозяйственная часть пристраивается перпендикулярно к боковой стене сеней (иногда такую связь называют «поперечной»).

В районах Карелии с русским населением явно преобладающими являются брус и кошель. В карельских районах кошель в чистом виде вообще не встречаются. Объясняется это, вероятно, тем, что в кошелеех, единственных из всех ти-

пов домов, пристройка хозяйственной части требовала несколько видоизменить переднюю избу — ликвидировать боковые окна. А как показывают все сохранившиеся жилые дома карел, в них самой устойчивой и традиционной является именно передняя изба с тремя окнами по главному фасаду. Основой формирования северного жилого дома послужил трехкоконный четырехстенный сруб, который у русских эволюционировал и видоизменялся, а у карел дольше сохранился в своем первоначальном виде.

На основании анализа домов-комплексов Е. Э. Бломквист пришла к выводу, что однорядная связь — самая поздняя [1, с. 166]. Такого же взгляда придерживался Р. М. Габе. Но это предположение спорно: сравнивая однорядную и двухрядную (слитную) связь и отмечая в последней более архаичные приемы, нельзя забывать, что все виды в ходе своего развития непрерывно усвершенствовались. Естественно, что развитие домов с двухрядной (слитной) связью из-за конструктивных трудностей (более пологая и, следовательно, быстрогниющая крыша над сараем, сложная стыковка двух срубов) протекало медленнее, чем развитие простых и рациональных в своей основе домов с однорядной связью. При раскопке городища Старой Ладоги обнаружены жилища IX—XI вв., в которых в отдельных случаях сени превращались в крытые дворы, служившие одновременно сенями, хлевами и сеновалом [1, с. 19]. Не являются ли они прототипом позднейших домов с однорядной связью? В пользу такого предположения говорят распространенные на юге Карелии, в Олонецком районе, дома, у которых взвоз одновременно явля-

ется хозяйственным въездом и входом в избу через сарай (рис. 6).

Возможно, что такое решение — отзвук прежних, «комбинированных» сений. Поскольку основы формирования домов с однорядной и двухрядной связью — двухчастные и трехчастные жилища, сложившиеся в X—XII вв. [1, с. 62], существовали к моменту возникновения домов-комплексов, естественно предположить, что оба типа связи возникли и развивались параллельно.

Рис. 6. Въезд в деревне Большая Сельга
Олонецкого района
Фото с рисунка автора

Дальнейшая эволюция крестьянского жилища продолжалась и после сформирования дома-комплекса: появляются дополнительные жилые помещения — горницы, светелки, увеличиваются размеры хозяйственной части и т. д. Усложнение крестьянского быта, потребовавшее отдельных жилых помещений, привело

к созданию нового типа жилья — пятистенка: дома, разделенного на две части продольной стеной (рис. 5, В).

Но даже возникший относительно поздно пятистенки в карельских районах приобрел определенную традиционность: переруб, отделяющий избу от горницы, здесь, как правило, расположен асимметрично. Объясняется это, вероятно, тем, что в силу большой патриархальности жизни карел² возможность разделения их семей не предусматривалась при сооружении домов, и потому вместо просторных горниц, которые в пятистенках с симметричным перерубом легко могли переоборудоваться в самостоятельные избы, карелы строили небольшие по площади, относительно узкие горницы. На главный фасад карельских пятистенков, как правило, выходят три окна избы и два или одно двоянное окно горницы. Любопытно, что в Верхнем Поволжье, куда в XVII в. переселилось большое количество карел из захваченной шведами западной части края [11], в пятистенках изба всегда больше горницы, а на главный фасад выходят 5 окон (3+2) [19, с. 98].

В русских районах Карелии в большинстве случаев пятистенки имеют симметрично расположенный переруб. Пятистенки и другие усложненные типы жилья (например «крестовик»-пятистенки, разделенный дополнительной поперечной стеной на 4 самостоятельные жилые комнаты) получили широкое распространение в конце XIX — начале XX вв.

Дальнейшее изменение крестьянского быта привело к нарушению традиционной планировки избы и разделению ее перегородками на самостоятельные комнаты. Относительно старые дома в Каре-

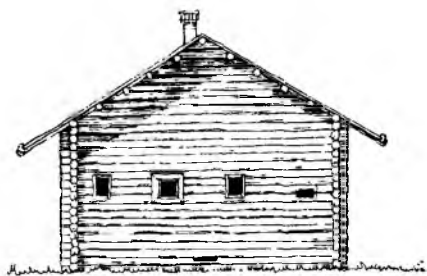
лии были преимущественно одноэтажными и лишь со второй половины XIX в. в южной Карелии получили широкое распространение двухэтажные дома, в которых первый жилой этаж оборудовался из подклета. Во многих домах дополнительное помещение — светелку — устраивали на чердаке.

Курные избы

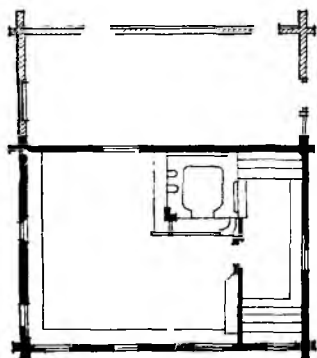
Наиболее древними и, следовательно, наиболее интересными для историко-архитектурного изучения являются жилища с черными печами — курные избы. Хорошо сохранившиеся, хотя и заброшенные, дома с такими избами, построенные, вероятно, во второй половине XIX в., автор вместе с В. П. Розиным обследовал в 1952 г. в карельской деревне Эльмит-озеро.

Один из них, расположенный за деревней, представлял собой брус с ушпренным сараем, к хозяйственной части и задней половине сеней которого позднее была пристроена изба-боковушка со своим двором-сараем (рис. 7, Б). В то время как изба в пристройке отапливалась «белой» печью, передняя изба оставалась курной. Из сеней в нее вела низкая дверь с высоким порогом, предохранявшим помещение от попадания холодного воздуха.

В северо-западном углу, рядом со входом, располагалась печь, сложенная из кирпича-сырца на настиле из пластин, уложенных по подпечным бревнам. Устье печи обращено ко входу; ее боковая стенка и шесток укреплены тесинами, а прилегающие к печи стены сруба на всю высоту обмазаны глиной. На шестке справа устроен жароток с углублением для углей (пример черной печи см. на рис. 4, В).

А

Б

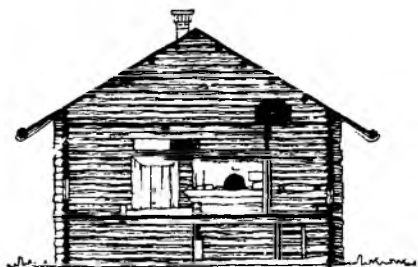
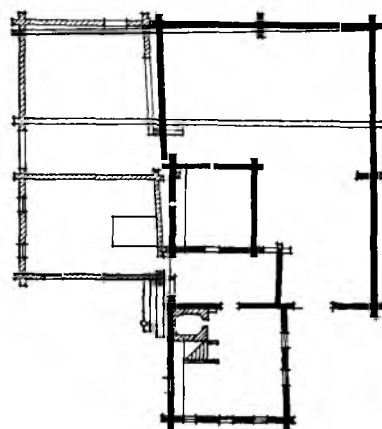

Рис. 7. Курные избы

Рис. Г. Х. Логинской (по обмерам автора и В. П. Розина)

А — дом А. Ф. Макаровой в деревне Илекинская Архангельской области; Б — дом в деревне Эльмитозеро

Дым из помещения удалялся в квадратное отверстие на потолке (потолочный дымоволок), к которому на чердаке примыкала дымница, сделанная из дуплистого дерева полуметрового диаметра.

В самой деревне Эльмитозеро находилась вторая курная изба, отличавшаяся от описанной лишь устройством круглой дымницы, набранной из скрепленных обручами дощечек.

В Сортавальском городском парке стоит западнокарельская курная изба, перевезенная сюда на рубеже XIX—XX вв. из деревни Петроваара, что близ Тохмаярви. В истории г. Сортавала указывается, что уже тогда она была старой [41, с. 303—304]. Следовательно, изба могла быть построена во второй половине XVIII или начале XIX вв. Рубленая из мощных, диаметром до 60 см, окантованных бревен, древняя постройка производит внушительное впечатление. Она представляет собой прямоугольный сруб, перекрытый двускатной крышей по слегам. Справа от входа помещалась печь. Окна прорезаны асимметрично на различной высоте. Потолок трапезищевой формы по матицам. Дымоволок — потолочный.

Судя по постройкам с сохранившимися черными печами, а также по отдельным следам в домах, где черные печи в свое время были заменены белыми, можно заключить, что для курных изб карел характерны потолочный дымоволок, круглая дымница (выполненная из дуплистого дерева или, реже, набранная из отдельных дощечек), печь, направленная устьем к боковой стене избы. Интересно, что курные избы верхневолжских карел имели такую же систему дымоудаления. Об этом можно судить по курной избе пер-

вой четверти XIX в. в деревне Глебени Весьегонского уезда бывшей Тверской губернии [4, с. 47] и указаниям Е. Э. Бломквист о распространении в верхнем Поволжье дымниц, сделанных из древесного дупла [4, с. 256].

В курных избах Финляндии дым также выпускался через отверстие в потолке, а устье печи в большинстве случаев направлялось в сторону боковой стены. Об этом, в частности, свидетельствуют чертежи, приведенные У. Т. Сирелиусом [43, рис. 208, 215, 216, 247], а также описание курной избы усадьбы Ниемеля из Конгинкангаса (средняя Финляндия) [32, с. 13].

В пограничном с Карелией Каргопольском районе Архангельской области, обследованном автором совместно с В. П. Розиным в 1953 г., сохранялось значительное количество курных изб. В ряде случаев один дом имел две избы — курную и белую. Причем часто они строились одновременно, а иногда курная изба пристраивалась даже позднее. Такая устойчивость курных изб, вероятно, объясняется тем, что беструбная печь давала больше тепла и требовала меньше топлива. Кроме того, в таких избах просушивались сети, что, по утверждению местных жителей, удлиняло срок службы сетей в 5—6 раз. На рис. 7, А приведена курная изба А. Ф. Макаровой (конец XVIII в.).

Для всех обследованных курных изб Каргопольского района характерны стенной дымоволок и устанавливаемая в сенях прямоугольная дощатая дымница, украшенная порезкой в верхней своей части и перекрытая двускатной кровельной. В большинстве случаев печь ориентирована устьем в сторону лицевой стены избы. Очень напоминает курные избы

Каргопольщины описанная Л. Костиковым изба второй половины XVIII в. в бывшем Онежском уезде Архангельской губернии [17, с. 1—10]. Стенной дымоход и дощатая дымница, подобно каргопольской украшенная резьбой и перекрытая двускатной кровелькой, зафиксированы на курных избах бывших Вельского, Тотемского, Шенкурского [9, с. 37] и Пинежского [10, с. 23] уездов Архангельской губернии.

И. В. Маковецкий, описывая старинный дом Попова (XVIII—XIX вв.) в селе Кузьминское Тарногского района Вологодской области, отмечает, что дымоходное окно находилось на стене сеней под потолком [19, с. 94]. Наконец, известная, многократно упоминаемая в литературе курная изба XVIII в. в селе Брусенец Вологодской области также имела стенной дымоход, дощатую дымницу и печь, обращенную устьем к лицевой стене.

Описанный способ дымоудаления, судя по приведенным примерам, является характерной особенностью курных изб русского населения соседних с Карелией областей.

В русских районах Карелии сохранилась лишь одна курная изба в доме Елизарова из заонежской деревни Середка (ныне дом перевезен в музей-заповедник «Киж»), которая по способу дымоудаления и постановке печи занимает как бы промежуточное положение между карельскими курными избами и описанными выше курными избами Архангельской и Вологодской областей: печь в ней обращена устьем к лицевой стене, подобно большинству печей у русского населения Севера, дымоход устроен в потолке, а дымница поставлена над ним, как в карельских избах. но имеет прямоугольное

сечение и выполнена из досок, подобно дымницам Архангельской и Вологодской областей. Судя по описаниям К. К. Романова [34, с. 25—26] и В. Майнова [18, с. 132—133], аналогично решалось дымоудаление и в других, ныне уже не существующих курных избах Заонежья.

Интересно, что Д. П. Осипов отметил потолочный дымоход в постройках Харинской волости, где, по его словам, были сильны традиции коренного «чудского» (финно-угорского) населения. И хотя новгородцы вытеснили аборигенов, все же, «...создавая определенный тип постройки в условиях сурового климата, видимо, не могли отрешиться от некоторых приемов плана и формы финских жилищ. Преемственная связь, как это видно на примере лесных зырянских избушек,— сохранилась» [28, с. 2, 4].

Из сказанного видно, что курные избы русских и карел отличаются способом дымоудаления и направлением печного устья (этнографы часто называют направление печного устья в сторону боковой стены избы «финским», а в сторону лицевой стены — «русским» приемом).

Поскольку отличительные особенности курных изб карел встречаются и у других финно-угорских народов, разгадку этого явления следует искать на ранних этапах развития жилища. Как уже отмечалось, первобытное срубное жилище карел скорее всего не имело окон. При этом дым мог удаляться через отверстие в крыше и дверь. Кроме того, дверь служила для освещения помещения. Поэтому, естественно, устье печи направлялось в сторону двери, как это делалось до последнего времени в черных банях. В дальнейшем такое направление устья сохранилось

и стало традиционным, как и удаление дыма через отверстие в перекрытии.

Возникновение «русского» приема ориентации печи устьем в сторону главного фасада легко объяснимо с помощью высказанной Е. Э. Бломквист гипотезы о том, что наметившийся уже в XIII в. тип русской избы с тремя окнами по главному фасаду предполагал удаление дыма через среднее волоковое окно, приподнятое несколько выше боковых [1, с. 119—120].

Правда, такое предположение основывалось на рисунках из альбома А. Мейерберга и изображениях на плане Тихвинского посада, которые допускают известные разночтения. В частности, вторую часть гипотезы о том, что дымницы стали применяться лишь после замены среднего волокового окна «красным» [1, с. 119—120], убедительно опроверг И. В. Маковецкий, отметив, что натурное обследование ряда старинных курных изб на реках Сухоне, Вычегде и Онеге подтвердило одновременное применение световых волоковых окон и специальных дымоволочных, расположенных под потолком рядом с печью. Об этом же говорят новгородские летописи XVI в. и подрядные книги Троице-Гляденского монастыря 1622 г. В последних есть прямое указание плотникам сделать «по подобным местам три окна и четвертое дымоволочное», а «дымоволок делать дощатый в закрой» [19, с. 146]. Приведенные примеры, опровергая возможность причинной связи между заменой среднего волокового окна косячатым и применением дымницы, вместе с тем подтверждают, что «русский» способ удаления дыма из курных изб является достаточно древним.

АРХИТЕКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩ

Крестьянские дома на севере края строги и лаконичны. На юге, наоборот, благодаря декоративному убранству они празднично нарядны, но тоже неодинаковы — постройки русских и карел отличаются друг от друга. И все же несмотря на различия, композиционное и конструктивное решения большинства домов Карелии принципиально похожи, что позволяет рассматривать их в общем разделе. Их роднит принцип объединения жилой и хозяйственной частей, предопределивший остроту противопоставления разных объемов — глухого, подчеркнуто монументального сруба двора-сарая и более интимного, прорезанного окнами и дверями жилища.

Композиция дома основана на контрасте между объемами жилой и хозяйственной частей, между маленькими оконными проемами и глухими поверхностями стен. А когда на домах применяются декоративные элементы, идея контраста получает дальнейшее развитие: пятна наличников и балконов выигрывают на фоне темных бревен, ажур причелин и кистей кажется еще более легким по сравнению со статичным объемом дома.

Богатство декора обычно нарастает снизу вверх. На высоком подклете возвышается жилой этаж, выявленный на фасаде оконными проемами с наличниками. Иногда (главным образом в Заонежье) он подчеркивается богатым поясом галереи-гульбища с ограждением из баясин (рис. 8, 9).

Рис. 8. Дом Ошевнева в музее „Киж“
Фото Б. П. Бойцова

Особенно значительна декоративная роль гульбищ в двухэтажных домах, где равномерное распределение пятен наличников в значительной степени снижает остроту композиции. Наконец, венчает здание треугольный фронтон крыши со всем многообразием и богатством конструктивно-декоративных деталей — причелин, кисти, шелома, кронштейнов, потоков и куриц.

Другой композиционный принцип — силуэтность. Она обусловлена недостатком освещенности на Севере и последовательно проводится во всем, начиная от общих объемов и кончая отдельными деталями домов. Очень характерны и выразительны силуэты как распластавшегося по земле живописно-асимметричного кошеля и строгого, с четким треугольным фронтоном бруса, так и резных кронштейнов, сквозной резьбы причелин, скульптурно-пластичного шелома.

Неразрывно связан с двумя основными художественными принципами деревянного зодчества и принцип окраски — выделение цветом отдельных деталей, усиливающее контрастность и силуэтность их восприятия. Светлые наличники окон с яркими вкраплениями деталей контрастно и силуэтно читаются на фоне темных бревенчатых стен. Окрашенная чаще всего в зеленый цвет выкружка основания балкона четко воспринимается на фоне свесов крыши, обычно окрашенных в насыщенный красный цвет, а те, в свою очередь, выделяются на фоне белесого северного неба.

Рис. 9. Фрагмент дома Ошевнева (вид от амбара из деревни Коккоила)
Фото В. Н. Брызгина

В Карелии применялись в основном контрастные сочетания немногих цветов — белого (реже желтого), красного, зеленого (реже синего), причем смелое применение таких дополнительных цветов, как красный и зеленый, усиливало хроматический контраст.

Третий, характерный для деревянного зодчества Карелии архитектурный принцип можно сформулировать как принцип конструктивности — выявление в архитектуре незамаскированных конструкций (потоков, куриц, шеломов) и подчеркивание декоративными средствами их технических особенностей. Например, мощная у опоры и постепенно облегчающаяся к краю форма выпусков бревен-кронштейнов отражает характер их работы как сильно нагруженных консолей (рис. 10). Глубокая кувшинообразная порезка столбиков крылец, поддерживающих легкое покрытие, и, наоборот, оставленные гладкими мощные столбы, несущие само крыльцо и отходящий от него лестничный марш, — яркий образец художественного осмысливания конструктивной схемы (рис. 11).

Принцип конструктивности отражается и в интерьере жилых домов. Стены из толстых бревен тщательно отесаны со скруглением углов, мощные матицы, поддерживающие потолок, широкие лавки вдоль стен и, наконец, огромная печь — центр всей композиции избы — все рационально, ничего лишнего, надуманного (рис. 12).

Однако, несмотря на общие архитектурно-композиционные принципы, повторяемость форм, традиционность приемов, лучшие памятники деревянного зодчества Карелии избежали однообразия, которое

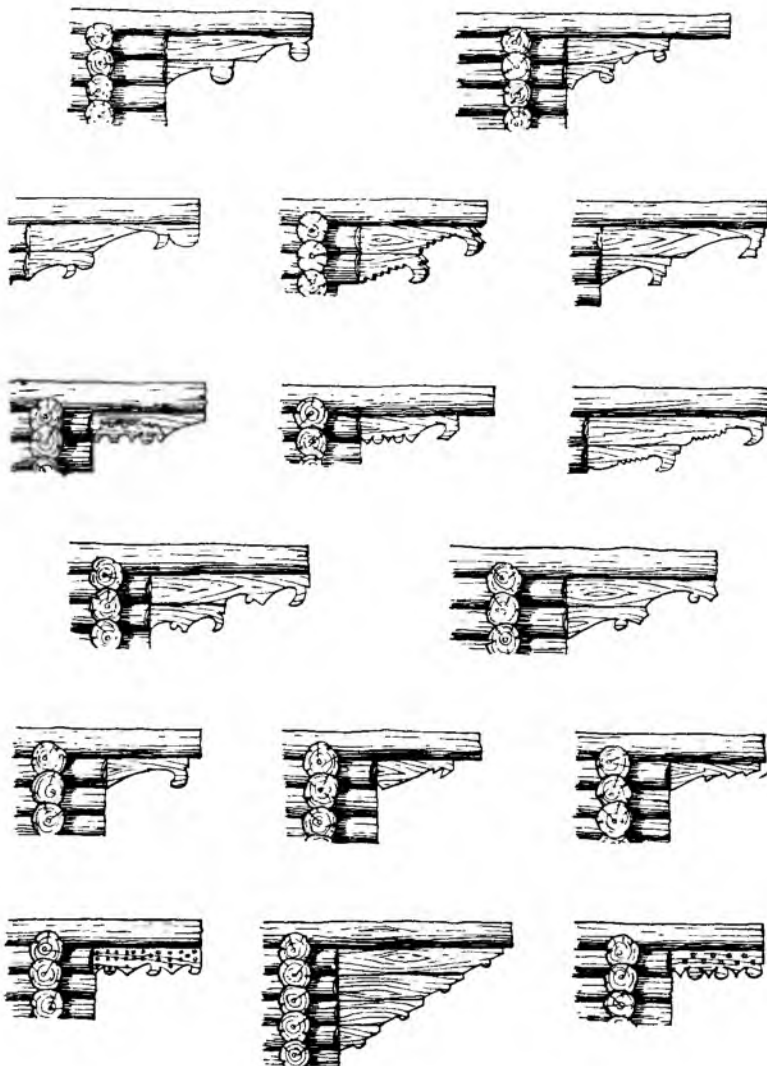

Рис. 10. Кронштейны карельских домов
 Рис. Г. Х. Логинской по материалам автора

способно превратить искусство в ремесло. Народные мастера тонко учитывали и отражали в архитектуре своих построек особенности каждого конкретного места с его природным окружением и характером застройки.

Заонежская деревня Якорь-Лядина группировалась в низине и хорошо просматривалась с дороги, проходящей по гребню холма. Несколько домиков, скромных и непритязательных, вытянулись вдоль улочки, перспективу которой торжественно замыкал дом-кошелек.³

Рис. 11. Дом Елизарова в музее „Кижи“
Фото В. П. Войцова

Не верилось, что деревня складывалась стихийно, а не по единому замыслу большого художника, настолько гармоничный ансамбль создавала ее застройка, полностью подчиненная главному композиционному акценту — дому-кошелек. Заонежский крестьянин, словно учитывая роль дома в застройке деревни, решил выходящий к улице торцевой фасад очень цельно и масштабно, объединив срубы

Рис. 12. Интерьер дома Елизарова
Фото В. П. Войцова

жилой и хозяйственной частей единой темой окон с волютными наличниками. Их меняющийся ритм несколько оживил фасад, но не внес в него подробности (рис. 13, А).

Такое композиционное решение стало возможным потому, что мастер устроил над двором в уровне сарая дополнительную избу-боковушку и горницу (ср. с традиционным кошелем — рис. 5, Г).

Иначе трактован боковой фасад (рис. 13, Б). В нем прежде всего решалась более узкая художественная задача — поиски образа жилого дома. Сделав

разновеликими срубы передней и задней избы, мастер сместил сени с оси симметрии. А так как одновременно были сдвинуты в разные стороны венчающая сени светелка и входная дверь с односходным крыльцом, фасад получил подчеркнuto асимметричный характер с явной направленностью в сторону деревни, дополнительно подчеркнутой уклоном рельефа. Удачно варьируя соотношения пятен окон и поверхности стены, мастер придал боковому фасаду передней избы более строгий и монументальный облик, созвучный ее

Рис. 13. Дом Котова в деревне Якорь-Лядина
Медвежьегорского района

Фото с обмера автора и В. П. Розина
А — главный фасад; Б — боковой фасад

главному фасаду, в то время как сени и задняя изба получили интимный характер, а дом в целом наполнился особым ароматом непринужденности, теплоты и лиризма. Скорее всего, строя дом, мастер не задумывался о сложных архитектурных проблемах, а верные решения возникали интуитивно.

Разные задачи — разные решения. На кривой улочке карельской деревни Паппила, на берегу небольшого озера, стоит дом-брус Мемоева [27, с. 43; 6, с. 123]. Он рассчитан на обозрение вблизи, что определило камерный характер его архитектуры и особое внимание, уделенное деталям — хорошо нарисованным волютным наличникам окон, причелинам и великолепному балкончику — наглядной иллюстрацией декоративных возможностей дерева (рис. 14).

Приведенные примеры показывают, что откристаллизовавшиеся веками архитектурно-строительные традиции, определяя достаточно высокий в художественном отношении средний уровень застройки и предохраняя мастеров от грубых просчетов и ошибок, не приводили к обезличке — исходя из конкретных художественных задач, плотники-зодчие находили в рамках традиций достаточно простора для индивидуальных и своеобразных решений.

КОНСТРУКТИВНОЕ РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩ

Жилые дома Карелии по своему конструктивному решению в основном не отличаются от построек русского Севера. Здания, как правило, ставились без фундаментов, лишь под углы и пересечения стен подкладывались валуны. Строитель-

ный материал — преимущественно сосна, хотя, по свидетельству М. Д. Георгиевского, «иногда карелы не брезгают сунуть (в сруб — В. О.) и елочку» [8, с. 7], из которой в основном изготовлялись курицы безвозводной крыши.

Стены рубились «с остатком» («в обло», «в охряпку»). Полы над подклетами, не имеющими наружного входа, делались одинарными из толстых досок по круглым балкам — матицам; над подклетами с наружным входом — двойными утепленными (черные — из пластин, чистые — из толстых досок). Потолки чаще всего выполнялись из пластин по прямоугольным балкам. Над теплыми помещениями обычно делалась земляная засыпка по глиняной смазке.

В прошлом в северной Карелии были распространены потолки трапециевидной формы с горизонтальной средней частью и наклонными боковыми. Такая форма потолка получалась за счет врубки матиц на 30—50 см выше верхнего окладного венца. Р. Ф. Тароева обследовала избы с трапециевидными потолками в северокарельских деревнях Лижма и Соностров [35, с. 90], Р. М. Габе — в заонежской деревне Загорье (курная изба Филькина) [6, с. 42 и рис. 41]. Потолок такой формы имеет курная изба в г. Сортавала. Подобные потолки изображены на чертежах карельских и финских курных изб, приведенных У. Т. Сиреллусом [43, рис. 205, 215, 247], а по свидетельству Е. Э. Бломквист, встречались на некоторых постройках Архангельской области [1, с. 97].

Рис. 14. Балкон дома Мемоева в деревне Паппила Суоярвского района
Фото с обмерного чертежа автора и
В. П. Розина

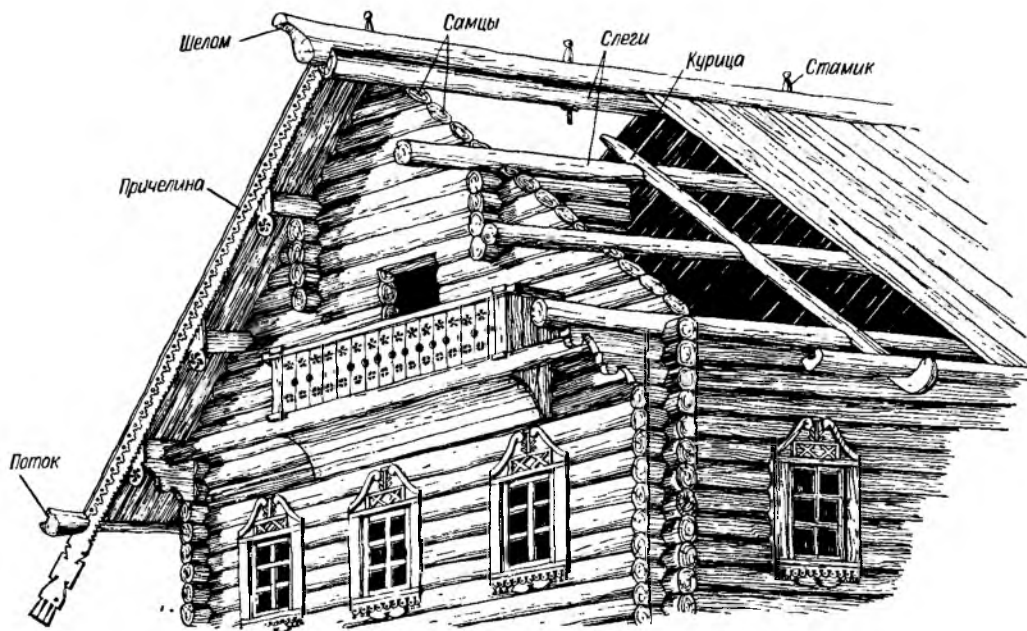

Рис. 15. Конструкция безгвоздевой крыши
Рис. Г. Х. Логинской

Необычная форма таких потолков, напоминающая бревенчатый накат карельских амбаров, и довольно широкое распространение их в прошлом в финских и карельских постройках наводят на мысль, что такое решение явилось своеобразным пережитком, отражающим эволюцию бесчердачной крыши первобытного жилища, — промежуточное звено между плоской земляной и двускатной крышей. То, что трапециевидные потолки встречались в Заонежье и в некоторых русских районах Архангельской области, не противоречит высказанному предполо-

жению — подобно потолочному дымоволоку курных изб, они могли быть заимствованы у коренного населения края.

Крыши в крестьянских домах Карелии слеговые безгвоздевые (рис. 15). Стропильные крыши появились лишь в текущем столетии (за исключением поморских деревень, где это произошло несколько раньше). Довольно сложно конструктивное решение хозяйственной части домов. Так, перекрытие просторного двора решалось системой столбов, прогонов и перпендикулярных им балок, поддерживающих настил из пластин, способный выдерживать нагрузку от лошади с возом, которая поднималась в сарай по бревенчатому пандусу — взвозу.

В перекрытии над яслями хлебов делались прорезы, позволяющие ссыпать корм сверху. В южных русских и карельских районах края, за исключением Олонецкого, и реже в средней и северной Карелии встречается очень рациональный прием: стены сарая над хлебами опираются на специальные столбы, являющиеся также опорой для перекрытий. Столбы позволяли заменять быстрогниющие стены хлебов, не нарушая целостности основного сруба.

Подпечье в большинстве случаев рубилось из окантованных на два канта бревен, одним концом врубленных в стены. Передняя сторона подпечья поддерживалась матицей, которая дополнительно подпиралась столбом.

Сбоку подпечья устраивался вход в подклет в виде низкого ящичка (карзины), образованного продолжением бревен передней и задней стен подпечья и дополнительной стенкой, параллельной печи (рис. 4, В).

Карзина прикрывала лестницу, ведущую в подклет. Сверху она закрывалась съемной крышкой. Северные карелы вместо карзины обычно отгораживали вход в подклет невысоким шкафчиком с дверцей — «козоно» (рис. 4, Б). Несмотря на финское название, козono явно заимствовано у русских и встречается в Архангельской и Вологодской областях под названием «голбчик», в Рязанской и Кировской областях под названием «казенка» [1, с. 218; 6, с. 46—47; 35, с. 101]. По мнению Р. М. Габее, в противоположность козono, карзина — карельского происхождения [5, с. 89]. В северо-западной Карелии распространен архаичный прием устройства подпечья в виде бревенчатого сруба,

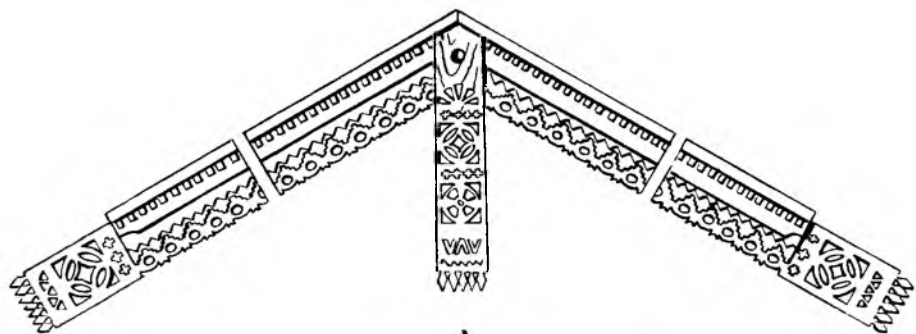
заполненного землей и камнями и поднимающегося от низа подклета до пода печи.

Характерным для карельских изб следует признать бревно, идущее вдоль избы под потолком, служившее для гнутья и сушки полозьев [35, с. 104], и бревно, врубленное снаружи в выпуски бревен продольных стен параллельно главному фасаду. Первоначально такие бревна или брусы, по-видимому, использовались для сушки сетей. Позднее, когда карелы заимствовали у русских декоративные балкончики, они нередко превращали такие брусы в основание для этих балкончиков. В южной Карелии встречается любопытное соединение традиционных и заимствованных форм — к центру бруса подвешивалась явно декоративная дощатая выкружка основания балкона (рис. 15).

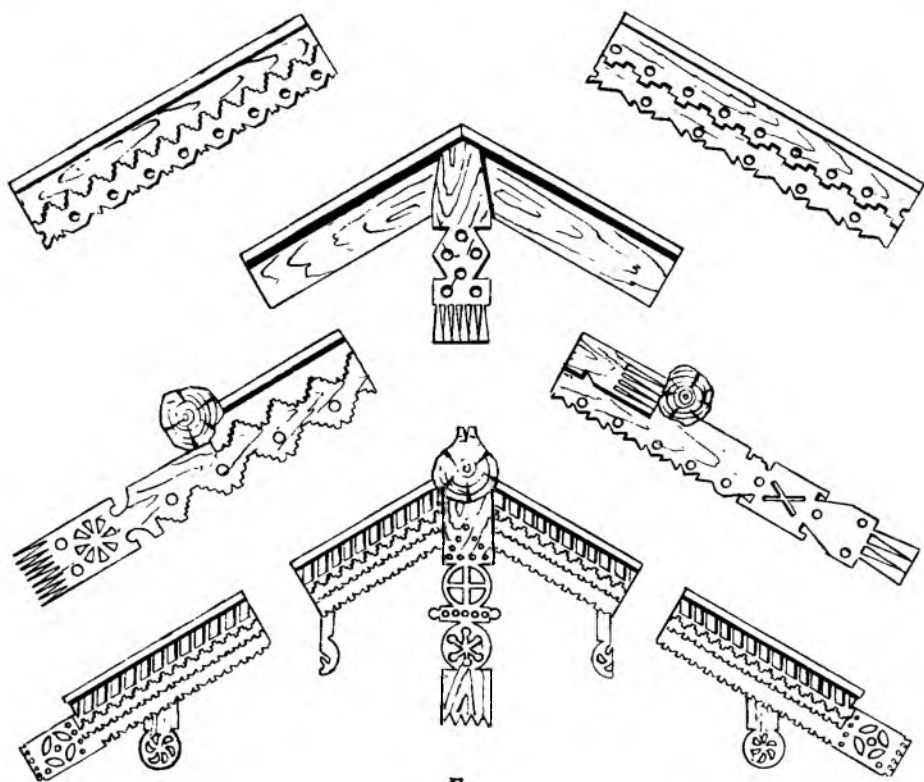
Таково в самых общих чертах конструктивное решение жилых домов Карелии. Оно почти тождественно в русских и карельских постройках — лишнее подтверждение заимствования карелами у великоруссов северного дома-комплекса. И вместе с тем отдельные конструктивные приемы и детали карельских домов явно самобытны и связаны с древними традициями карел.

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО ЖИЛИЩ

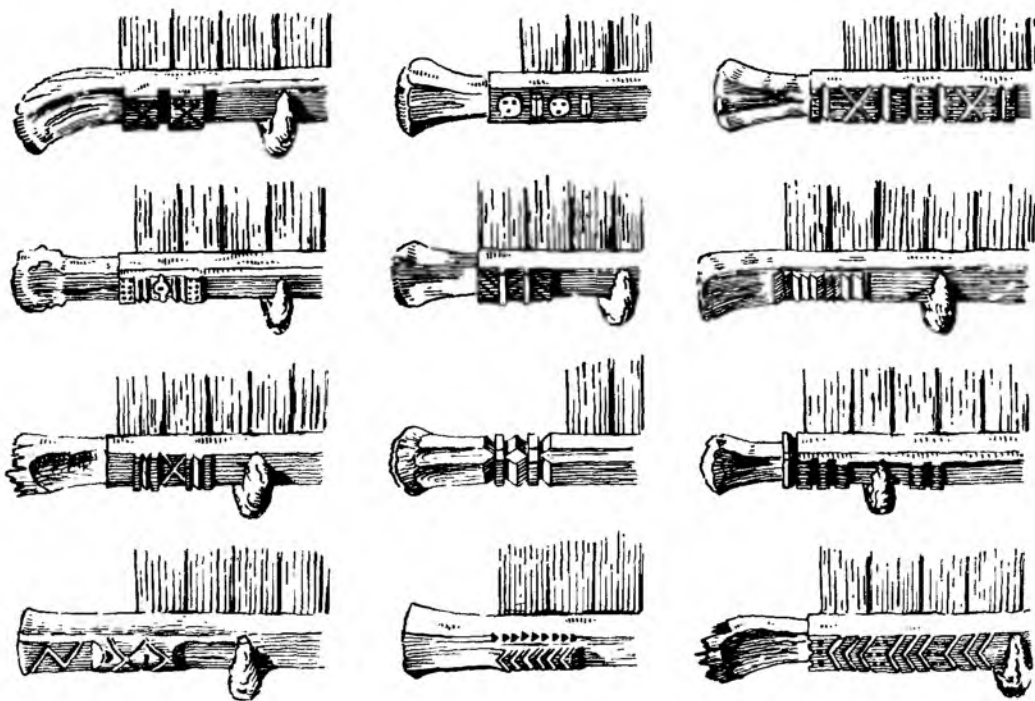
...Распушила павлиний хвост птица-женщина Сирин и, чтобы удержаться на узкой полоске фриза, вцепилась в него лапками, взмахнула крыльями и ухватилась руками за упругие лозы растений, причудливой вязью покрывавшие поле доски. И хотя совсем неглубок рельеф затейливого орнамента, даже самые мелкие его завитки ясно читаются, подчеркнутые

A

Б

светотенью,— в средней России, в Горьковской и Ярославской областях кое-где сохранилась на старинных домах глухая резьба. Но чем дальше на север, тем меньше ясных солнечных дней, и, сообразуясь с освещенностью, постепенно изменяется орнамент. Так, если на юге Вологодской области глухие розетки — ведущий декоративный мотив, то на севере Вологодчины уже наряду с глухой появляется

Рис. 17. Потоки карельских домов
Рис. автора

сквозная резьба. Севернее, в Архангельской области, сквозная резьба становится преобладающей, поскольку обеспечивает силуэтное восприятие деталей, а силуэт в условиях Севера — важнейшее средство архитектурной выразительности.

Одновременно, по мере продвижения на север, происходит изменение характера орнамента в сторону большей его геометризации и укрупнения. Эта общая тенденция распространяется и на Карелию. Однако здесь, в карельских районах,

Рис. 16. Причелины и кисти

Рис. Э. В. Воскресенского по материалам автора

А — из Заонежья; Б — из районов с карельским населением

постройки, находящиеся в одинаковых природных условиях с русскими постройками, обладают, наряду с другими особенностями, более геометричным декором, определяемым уже эстетическими вкусами и традициями карел. Г. С. Маслова указывает на преемственность между вышивками и наскальными изображениями древней Карелии [22].

Отзвуки этой преемственности можно проследить и в архитектурной орнаментике, где в ином материале воплощаются некоторые привычные геометрические мотивы народных вышивок. Особенно ярко традиционность народного творчества карел проявилась в причелинах и кистях. Типична для карельских районов порезка низа причелин многоступенчатыми выступами (городковый орнамент) или сочетанием выступов с зубчиками и треугольными выемками (рис. 16). Городковая порезка встречается и на русских причелинах, но здесь количество ступенек редко превышает три (обычно две ступеньки) (рис. 16, А). В карельских же причелинах число ступенек доходит до шести, что придает им своеобразный характер, созвучный вышивкам.

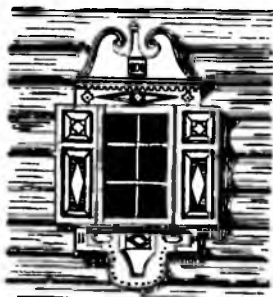
Интересным, чисто карельским приемом следует признать обработку конца причелин не обычными для русских причелин капельками, а треугольными зубцами. Это более рациональный для дерева прием, так как тонкие перемычки капелек очень непрочны. В карельских районах причелины нередко украшены круглыми подвесками в виде розеток. Вероятно, в свое время заимствовав у русских причелины, карелы захотели хотя бы в виде декоративного мотива сохранить ритм выходящих на фасад торцов слег.

Очень своеобразны кисти карельских домов, и особенно — орнаментация потоков — наиболее древний вид архитектурной орнаментики (рис. 17). Значительную роль в ней играла религиозная символика. Изображения небесных тел в виде кругов, ромбов и других геометрических фигур, символ земледелия — крест, вписанный в круг, — все это в различных сочетаниях можно встретить на карельских потоках. Сохранение множества охотничьих, рыболовных и земледельческих тотемов и религиозных символов вызвано особенностями религиозных представлений древних карел — своеобразным сочетанием христианства с отдельными языческими представлениями и обрядами, следствием длительного сохранения в хозяйственном укладе, быту и общественной организации карел многих черт первобытно-общинного строя [29, с. 24, 101, 154].

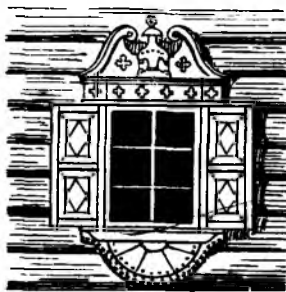
Не только самобытные декоративные детали, но и детали, явно заимствованные у русских, нередко глубоко национальны по своему характеру. Так, в XIX в. в Карелии широкое распространение получили декоративные формы, возникшие под влиянием каменной городской архитектуры. Распространению таких влияний способствовало отходничество плотников из районов южной и частично средней Карелии на заработки за пределы родного края.

Но влияние каменной архитектуры по-разному преломлялось в творчестве русских и карельских мастеров.

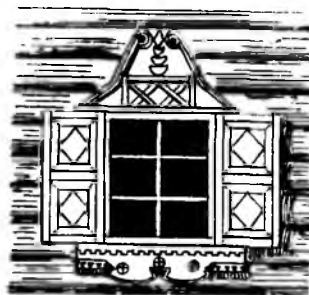
Если в русских районах в ограждении балконов и гульбищ широко распространены дощатые криволинейные балюсины, по рисунку контура напоминающие свои каменные прототипы, то в карельских

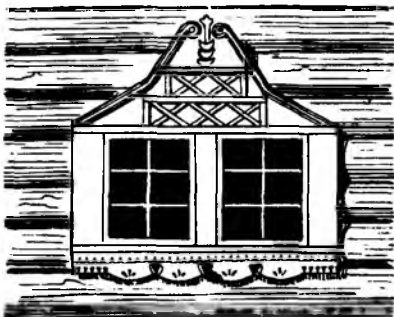
А

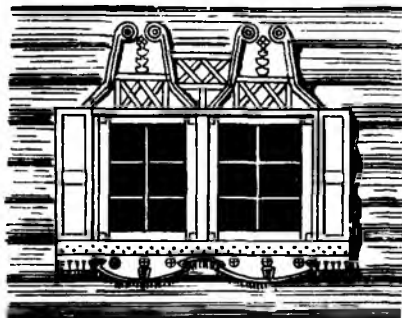
Б

В

Г

Д

районах рисунок балясин был более близок привычным орнаментам вышивок, которые удобнее было выполнять из дерева [27, с. 39—40].

То же показал анализ наличников, возникших под влиянием каменных барочных волют. В русских районах, и прежде всего в Заонежье, рисунок таких наличников хотя и приспособился к особенностям дерева, но сохранил плавность линий и пластику форм каменной архитектуры (рис. 18, А). В карельских же районах выработался принципиально иной тип наличника с подчеркнуто «деревянной»

Рис. 18. Волютные наличники

Рис. Э. В. Воскресенского по материалам агора

А — наличник Заонежья; Б — наличник шель-
озерских вепсов; В — наличник карел
(одинарный); Г и Д — наличники карел
(двойные)

трактовой волют, с «рубленным», ломаным контуром, с более простыми геометрическими деталями, с введением декоративных мотивов, заимствованных у природы (стилизованная елочка между волютами) (рис. 18, В).

Показательно, что если в заонежском наличнике сохранен ордерный принцип

Рис. 19. Фрагмент навершия венесского наличника
Фото Б. П. Бойцова

композиции и волюта опирается на подобие архитрава, то в карельских наличниках под волютами находится только узенькая полочка. Плотники-карелы знали, что деревянными балками небольшой высоты можно перекрывать просторные помещения, и, по-видимому, не хотели отступать от своего представления о дереве как строительном материале даже при решении чисто декоративных задач [27, с. 40].

Карельские волютные наличники могут быть со ставнями или без них. Налич-

ки двойных окон имеют навершия, стыкованные из двух пар волют (рис. 18, Д) или объединенные общими волютами (рис. 18, Г).

Волютные наличники широко распространены в юго-западной части Прионежского района на постройках шелтозерских вепсов (рис. 18, Б). Принципиально они сходны с русскими наличниками и отличаются от них главным образом средней частью навершия (рис. 19) — стрелка заменена стилизованным «человечком» (подобные фигурки нередко встречаются в народных вышивках). «Человечки» удивительно разнообразны и иногда

варьируются даже на одном доме. Кроме того, шелтозерские наличники примечательны обилием мелких набивных украшений, широким применением глухих дырочек и неглубоких желобков. Интересно, что сочетание дырочек и желобков характерно для наличников финских племен — ижор и води [7]. Мотив глухих дырочек на причелинах и кистях довольно часто встречается в Пряжинском и Олонецком районах. Вероятно, это сходство и связано с длительными культурными контактами между вепсами и южными карелами.

Применение в наличниках глухих дырочек и, особенно, совершенно необычное решение средней части навершия, созвучное народным вышивкам, показывают, что у вепсов, живущих на юге края и подвергавшихся более интенсивному, чем карелы, русскому влиянию [29, с. 59], декор сохранил черты национального своеобразия, уже утраченные в объемно-планировочном и конструктивном решении домов. Справедливость сказанного подтверждается сходством в орнаментике вепских и южнокарельских причелин (тот же мотив глухих дырочек).

Помимо волютных наличников, в Карелии широко распространены наличники с прямоугольным и треугольным навершием, скорее всего навеянные архитектурными формами русского классицизма.

Несмотря на чужеродное происхождение, наличники стали неотъемлемой частью убранства жилых домов. Даже балкончики, явно поздние и чуть ли не единственные в крестьянской архитектуре чисто декоративные формы (на них обычно даже нет выхода из светелки), прекрасно уживаются с древними само-

бытными конструктивно-декоративными деталями — кронштейнами, потоками, щелками. В этом умении объединить разновременные и, казалось бы, разнохарактерные элементы в единое художественное целое — одно из достоинств народного искусства. Это то же чувство «ансамблевости», которое помогало народным мастерам в сумятице меняющихся вкусов и взглядов на архитектуру находить средства гармонического слияния старого и нового и достигать художественного единства.

Убранство крестьянских домов — подлинная летопись народного творчества, в которую многие поколения мастеров вписывали свои слова и строки, исправляя и дополняя друг друга, отбрасывая все случайное и заботливо возвращая каждую крупицу истинной красоты. И лишь к концу XIX в., в период кризиса народного искусства Севера, когда поток «модернистских» влияний городской архитектуры хлынул в деревню, минув фильтры древних традиций, художественное единство крестьянских домов Карелии постепенно сменилось эклектикой.

ОТДЕЛЬНО СТОЯЩИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Бани

На севере края местами сохранились примитивные четырехстенные бани без предбанников, перекрытые плоской земляной крышей по сплошному бревенчатому накату. Примером могут служить две бани в д. Кизрека Лоухского района. Раздевались в них снаружи и через низкую дверь попадали в мыльное помещение.

Рядом со входом располагалась каменка — печь, сложенная из камней разной формы, с устьем, обращенным к боковой стене. Воду нагревали в упатах, бросая в них раскаленные камни. Пол со щелями для стока воды между пластинами-половицами был настлан по лагам, лежащим прямо на грунте.

Эволюцию карельских бань, как и жилых домов, можно проследить, двигаясь по Карелии с севера на юг; однокамерные на севере бани сменяются в средней Карелии банями с навесом перед входом. Несколько южнее навес уже зашивается досками, превращаясь в предбанник, и, наконец, на юге края преобладают двухкамерные бани, разделенные поперечной бревенчатой стеной на две части — на мыльное отделение и предбанник.

В отличие от примитивных однокамерных, в двухкамерных банях воду нагревали в котле, вмурованном в каменку. В остальном развитие бань сводилось к изменению конструкций покрытия — плоская крыша, засыпанная землей, эволюционировала к односкатной и от нее — к двускатной крыше. Покрытие первоначально было совмещенным. Затем над мыльным помещением стал устраиваться утепленный потолок сначала из бревенчатого наката, а позднее — из пластин.

Амбары

Амбары — хозяйственные постройки, предназначенные для хранения зерна, рыбы, рыболовных принадлежностей и различной утвари, — в меньшей степени, чем жилище, подвергались с годами изменениям, а срок их службы был значительно больше, чем отапливаемых сооружений.

А

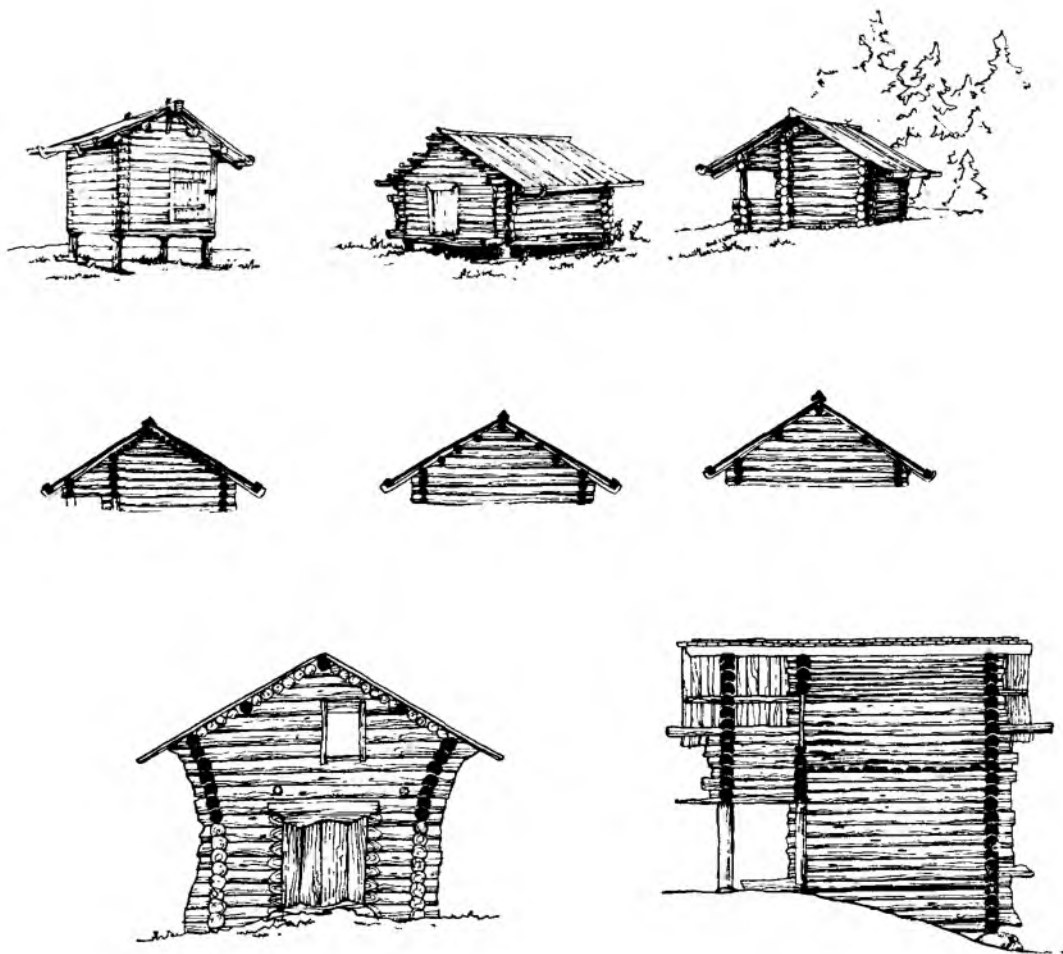

Б

В

Все это повлияло на устойчивость их форм, сохранивших отдельные черты древних жилищ. По-видимому, основное направление развития амбаров совпадало с развитием жилья — от землянок и полуземлянок к наземным сооружениям. Но существовало и второе направление эво-

люции амбаров — от охотничьих амбарчиков, поднятых высоко над землей, к наземным срубам (рис. 20, А). На определенном этапе развития оба направления могли слиться.

На примере существующих амбаров можно проследить за эволюцией конструкций

Рис. 20. Амбары

Рис. Э. В. Воскресенского

А — эволюция амбаров: амбар из музея Скандинавии (Швеция); амбар в деревне Толвуйский погост (по Р. М. Табе); амбар в деревне Рудометово (по материалам автора); амбар в деревне Перевозная Варака (по обмеру Ю. П. Гнедовского, В. В. Кувырдина и автора); Б — эволюция конструктивного решения крыши амбаров; В — амбар Власовых в южном конце деревни Сельга (по обмеру автора)

Рис. 21. Амбар из деревни Коккойла в музее „Кижик“

Фото Б. П. Бойцова

крыши: сплошной бревенчатый накат; пакат, в котором слегы выполнены из толстых бревен и заполнение между ними — из более тонких; слегы, врубленные в каждый шов между самцами; слегы, врубленные через самец; и, наконец, редко врубленные слегы — таковы основные этапы этой эволюции (рис. 20, Б).

Конструкции карельских амбаров сохранили ряд очень интересных пережиточных явлений. К ним относятся бревен-

чатый накат трапециевидной формы, отражающий, по-видимому, переходный этап от односкатной к двускатной крыше в первобытном карельском жилище, и бескуричная система крыши, в которой потоки поддерживаются выпусками бревен торцевых стен. Амбары с такой крышей были обнаружены в деревнях Пелдожи Пряжинского района (ныне он находится в музее «Кижик»), Линдозеро Кондопожского района, Рудометово Кемского района. Подобный амбар Р. М. Габе сфотографировал в деревне Тивилицы Пряжинского района. Наконец, аналогичные конструкции встречаются на многих

хозяйственных постройках и даже на некоторых жилых домах крайнего северо-запада.

Поскольку такие амбары не известны ни в русских районах Карелии, ни в соседних областях РСФСР, можно признать бескуричный вариант тесовой крыши самобытным для карельских построек. Вероятно, он возник на ранних этапах заимствования карелами у русских конструктивных решений жилых домов как вариант безгвоздевой крыши. Поскольку такое решение для небольших построек было естественным и логичным (выпуски-кронштейны долговечнее и проще в изготов-

Рис. 22. Рига в деревне Мотовка Олонецкого района

Фото с рисунка автора

лении, чем курицы), оно соответствовало рационализму, характерному для карельской архитектуры. Последнее обстоятельство, по-видимому, обусловило как возникновение, так и сохранение в будущем бескуричного варианта тесовой крыши в постройках карел.

В деревне Кизрека Лоухского района обнаружены два амбара с гнетами (бревнами, прижимающими кровлю к основанию), попарно связанными горизонтальными

досками-огнивами (рис. 3, Б). Такая конструкция скорее всего является пережитком жердевых крыш, в настоящее время встречающихся по берегам Пя-озера и на северо-западе Калевальского района. Кровля таких крыш обычно делалась двухслойной: нижний слой — тонкие жерди по следам с гидроизоляцией из бересты, верхний слой — толстые жерди, соединенные между собой деревянным стержнем, проходящим через гнезда в вершинах. В концы слег вбивались клинья, препятствующие смещению жердей в стороны (рис. 3, А). В ряде случаев жерди дополнительно прижимались гнетами. Подобные конструкции крыши встречались в Финляндии [43, табл. X, рис. 1]. Возможно, жердевые перекрытия появлялись при переходе от крытых дерном трапециевидных крыш к двускатным, предшествуя заимствованным карелами у русских тесовым покрытиям.

Многообразно объемное решение амбаров Карелии: одноярусные и двухъярусные, с наружной галереей и без нее. Как правило, это многообразие обусловлено практическими соображениями. Так, навесы предохраняли вход от косого дождя и снега; в хлебных амбарах для удобства выгрузки зерна площадка перед входом значительно приподнималась над землей; в рыбных амбарах иногда в выпуски бревен торцевых стен, параллельно боковым стенам, заделывались жерди для просушки сетей и т. д. Часто при устройстве навеса самцы переднего фронтона выдвигались из плоскости лицевой стены и нависали над входом.

Очень интересный амбар Власовых в деревне Сельга (южный конец) Медвежьегорского района был обследован

в 1951 г. автором совместно с Г. И. Меховой (разрушен в 60-х годах). Амбар имел ярко выраженные повалы, придававшие своеобразие и живописность его объему (рис. 20, В).

Амбары, срубленные из толстых бревен, с маленькими дверями, подчеркивающими мощь сруба, и большими свесами крыши производят сильное впечатление. А когда прелесть объемов и пропорций дополняется декором, чисто хозяйственные постройки способны стать произведениями искусства (рис. 21).

Прочие хозяйственные постройки

Кроме бань и амбаров, в Карелии встречаются более «молодые» хозяйственные постройки — риги и мельницы, возникновение которых связано с развитием земледелия. Риги здесь, как правило, однокамерные, с общим помещением для сушки и обмолота снопов. В них рядом со входом, чаще всего в левом углу, ставилась черная печь. Снопы сушились на подвижном настиле из жердей, а обмолот производился прямо на полу. Боковые свесы крыши, часто превышавшие 1 м, образовывали навесы, под которыми складывались снопы, а после обмолота — солома.

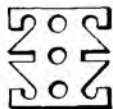
В южной Карелии, и прежде всего в Олонецком районе с относительно развитым земледелием, риги строились больших размеров с просторным навесом перед входом (рис. 22). Изредка на юге встречаются и двухкамерные риги с раздельными помещениями для сушки (собственно рига) и обмолота (тумно). Однокамерные риги, риги с навесом и, наконец, двухкамерные риги — таков естест-

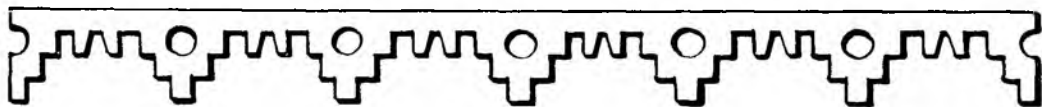
венный путь развития этого типа сооружений, соответствующий развитию земледелия. И лишь риги северо-западной Карелии не подчинялись этой закономерности: несмотря на слабое развитие земледелия они делались двухкамерными, по своему общему объемно-планировочному решению напоминавшими бани с предбанниками — результат влияния одних хозяйственных построек на формирование других.

Прежде в Карелии были широко распространены водяные мельницы, в которых текущая по лотку вода вращала водяные колеса — прототипы современных турбин. Колеса помещались в специальном срубе, называемом «колесницей», и приводили в движение жернов и песты в ступах (на мельнице одновременно молили муку, дробили зерно на крупу или толкли толокно). Весь мельничный механизм выполнялся из дерева.

Облик водяных мельниц, как правило, лишенных декоративных деталей, неприязнителен. Более живописны, с интересным характерным силуэтом ветряные мельницы. Правда, в Карелии их сохранилось относительно немного. В большинстве случаев это мельницы-столбовки. Они состоят из мельничного сруба, установленного на круте, который мог поворачиваться вокруг неподвижного столба с помощью рычага — «воротила». Мельничный механизм приводился в движение крыльями. Ветряные мельницы другого типа — шатровые, в которых поворачивался по ветру не весь сруб, а только верхняя его часть — шатер с крыльями, — встречались в Карелии еще реже.

Из других хозяйственных построек следует упомянуть сохранившиеся на севере края сараи для сена и для лодок, на западе — отдельно стоящие хлева с сарем-сеновалом наверху.

III. КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

КЛЕТСКИЕ ЧАСОВНИ И ЦЕРКВИ

Клетские часовни и церкви — наиболее древние культовые сооружения, предшественниками которых, возможно, являлись языческие храмы древней Руси, а далеким предком — клеть первобытного жилища. Подтверждение тому — несомненное сходство между амбарами, донесшими до нас многие черты древнейшего жилья, и простейшими клетскими часовнями (рис. 23), которые в Вологодской области даже называются «амбаронками» [12, с. 40].

Самое древнее из сохранившихся сооружений клетского типа — церковь Лазаря из Муромского монастыря (ныне находится в музее «Кижи»), построенная, по преданию, во второй половине XIV в. (рис. 24, А). Как отмечает А. В. Ополонников, древность Лазаревской церкви подтверждается архаичностью ряда архитектурно-конструктивных приемов. Так, здесь паз для сплачивания бревен выбран в верхней части каждого венца, и в него беспрепятственно попадает влага, ускоряя процесс гниения. Такая припазовка, обнаруженная А. В. Ардиховским при раскоп-

ках в Новгороде на срубе XI—XII вв., уже не встречается во всех известных северных церквах XV—XVI вв., где паз выбран в нижней части венцов. То же можно сказать про различное сопряжение верхнего косяка дверей Лазаревской церкви с боковыми косяками снаружи и изнутри [24, с. 106—108].

Церковь Лазаря состоит из трех клеток — центральной, собственно церкви, самой высокой и стройной, с изящными повалами и крутой тесовой крышей с главкой на коньке; восточной клетки — алтаря, также имеющей повалы, но перекрытой пологой двускатной крышей; западной клетки — каркасных сеней.

Вероятно, больше всего напоминают древнейшие культовые постройки клетские часовни, которые отличаются от церквей не только меньшими размерами, но и отсутствием алтаря.

На северо-западе Медвежьегорского района⁴ расположена деревушка Пелкула. Ее единственная улица протянулась вдоль озера, подводя к пригорку, на котором в кладбищенской роще стояла часовенка⁵. Издали видны громадные ели и сосны, уверенно господствующие над деревней, полями и озером, но трудно было разгля-

деть среди них постройку. Зато вблизи деревья-исполины словно отступали на второй план, и только часовня приковывала к себе внимание (рис. 25).

Секрет силы эмоционального воздействия на человека этого, в сущности, крошечного сооружения (длиной менее 5 м, шириной 2,7 м, максимальной высотой до конька около 4,8 м) заключался в удачно найденных пропорциях и умелом использовании принципа художественного контраста. Упругие повалы восточной клетки

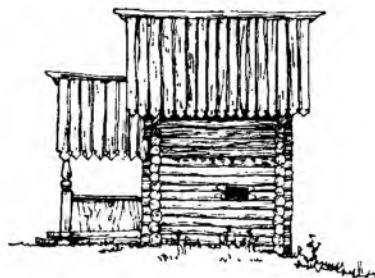
Рис. 23. Часовня в деревне Термоны Медвежьего района
Фото Б. П. Бойцова

(собственно часовни) несли крутую двускатную крышу, прежде покрытую красным тесом. И хотя позднее он был заменен пилеными досками, а врезанная когда-то в конек маленькая главка с крестом утрачена, крутобокая крыша хорошо венчала сооружение.

Скульптурную пластику повалов и стройность основного сруба подчеркивала

А

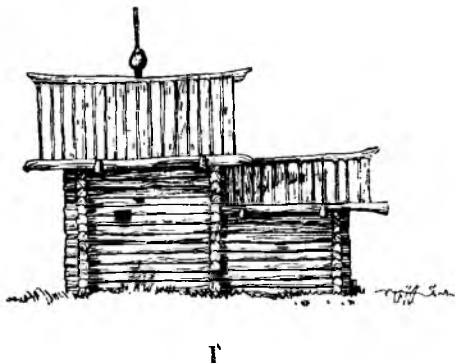

В

невысокая клеть сеней, перекрытая пологой двускатной крышей (прежде крыша была безгвоздевой, с курицами и потоками). Сени были рублены без повалов. На южной их стене находилась дверь. Несмотря на небольшие размеры (52×124 см), дверной проем в обрамлении широких косяков занимал значительную часть стены, и по сравнению с ним и без того низкие сени казались еще ниже. Зато крошечное

оконце собственно часовни, контрастируя с глухой поверхностью стены, увеличивало кажущуюся высоту восточного сруба.

Привлекали внимание великолепные двери часовни. Со стороны сеней углы проема скруглены, и он воспринимался почти овальным. Сопряжение косяков между собой и с бревном порога выполнено косой вырубкой «в ус». Верхний косяк

имел заплечики и гребень, закрывающий осадочный шов, а на пороге вырезана была его имитация в зеркальном изображении. Дверное полотно вращалось на цилиндрических выступах — «пятах», вставленных в гнезда на притолоке и пороге.

Принцип контраста последовательно проводился и в интерьере. Стены сеней изнутри не отесаны, и их гофрированная поверхность оттеняла гладкие плоскости

Рис. 24. Культовые постройки клетского типа

Рис. Э. В. Воскресенского

А — церковь Лазаря; Б — часовня в деревне Юкко-Губа; В — часовня в деревне Лазарево (по реконструкции автора); Г — часовня в деревне Ахпойла (по реконструкции автора)

наружных и внутренних дверей (тождественных друг другу) и пола, выполненного из шпиченных половиц — пластин шириной до 40 см. Потолка не было вовсе, и слезы, врубленные в каждый шов между самцами, своеобразным сводом ограничивали помещение сверху.

Любопытно, что сени, превосходящие по площади собственно часовню, совершенно не имели окон. И это не исключение — у часовен-ровесников в деревнях Ахпойла Пряжинского района (рис. 24, Г) и Кангозеро Суоярвского района первоначально сени также не имели окон. Не является ли такое решение в древнейших культовых постройках отзвуком традиций, уходящих к первобытному безоконному срубам карельского жилища?

Помещение собственно часовни освещалось с юга одним трехкосящатым окном, которое, судя по следам, прежде было волоковым. Стены по высоте дверей (за исключением нижнего венца), гладко отесанные, со скругленными углами, а выше дверей — неотесанные, раскрытое в помещение слеговое основание крыши, широкие половицы — все это создавало строгий и суровый облик главного помещения часовни, концентрирующий внимание посетителей на трехъярусном тябловом иконостасе. Контраст между сумрачным интерьером и многоцветным иконостасом являлся логическим завершением целостной и мудрой в своей простоте композиции часовни.

Рис. 25. Часовня в деревне Пелкула
Фото Б. П. Бойцова

Ни каких документов, датирующих памятник, не обнаружено. Однако слегка, врубленные в каждый пов между самцами, отсутствие потолков, конструкции, форма и пропорции дверей на пятах, несколько напоминавшие двери Лазаревской церкви и не встречавшиеся в известных памятниках Карелии XVII—XVIII вв., — все указывает на несомненную древность

часовни. И вместе с тем здесь нет архаичных деталей, характерных для церкви Лазаря (шрипазовка не сверху, а снизу бревен, косяки дверей не составного, а цельного сечения).

Следовательно, часовня в Пелкуле по своим архитектурно-конструктивным особенностям могла быть отнесена к XV—XVI вв., а учитывая датировку живописи, вывезенной из часовни экспедициями КМИИ (Карельского музея изобразительных искусств) в 1962 г. (икон

старше XVI в. там не было), наиболее вероятной датой постройки следует считать начало XVI столетия.

Относительно хорошее состояние здания объяснялось тем, что часовня стояла на сухой возвышенности и была срублена из отборной кондовой сосны диаметром около 20 см (в подборе материала сказалась предусмотрительность строителей, которые предпочли толстым деревьям более тонкие, но обладающие плотной и смолистой древесиной, стойкой против гниения).

Похожа на часовню в Пелкуле ее ровесница — Ильинская часовня в деревне Лазарево (рис. 24, В). В настоящее время памятник имеет позднюю пристройку трапезной (конец XIX в.), но первоначально представлял собой однокамерную клетскую часовню с крыльцом. Пропорции сруба, повалы, часто врубленные слезы крыши, отсутствие потолка, волоковое оконце с южной стороны и, главное, конструкция и форма дверей — все это очень похоже на часовню в Пелкуле. Но есть и различия: часовня в Лазареве не имеет сеней, а ее стены изнутри не отесаны.

Недалеко от Падан, в деревне Юкко-Губа, находится Троицкая часовня (XVII—XVIII вв.) — однокамерный сруб с повалами, перекрытый относительно пологой двускатной крышей⁶ (рис. 24, В). Возможно, постройки, подобные Троицкой часовне, в свое время послужили отправной точкой в эволюции клетских культовых сооружений. Появление сеней или крыльца перед входом ознаменовало второй этап эволюции (Ильинская часовня в деревне Лазарево, часовни в деревнях Пелкула и Ахпойла). Показательно, что нередко сени пристраивались к уже су-

ществующим часовням. Так, Георгиевская часовня XVII в. в заонежской⁷ деревне Кефтевицы первоначально состояла из одного сруба, к которому, вероятно в начале XVIII в., пристроили сени с крыльцом.

Пристройка развитых крылец, как и замена утилитарного покрытия (подобного часовне в Юкко-Губе) крутой крышей, преследовали цель обогатить объемное решение часовен, придать им характерный силуэт. Примером может служить Варваринская часовня в заонежской деревне Часовенская, построенная в 1750 году и первоначально состоявшая из двух помещений — собственно часовни и сеней. Позднее, вероятно во второй половине XVIII в., к сеням пристроили парадное двухсходное крыльцо (рис. 26).

Варваринская часовня интересна во многих отношениях. Поставленная над деревней среди развесистых сосен, она уступами сбегает по склону холма. Высокая клеть собственно часовни с повалами, более низкие сени и завершающее ступенчатую композицию крыльцо перекрыты крутыми двускатными крышами. Интересно, что размеры крыльца, сеней и собственно часовни (в плане) увеличиваются с запада на восток (209, 294, 406 см) по геометрической прогрессии со знаменателем 1,4. Поскольку установившихся пропорциональных соотношений в клетских часовнях Карелии не обнаружено и размеры их частей варьируются в широких пределах, отмеченная закономерность является индивидуальной особенностью памятника.

Показательно, что мастер, заканчивавший это разновременное сооружение, сумел полностью воплотить в жизнь замыслы своего предшественника. Ныне

окружающая часовню роща обнесена только оградой из валунов, но на фотографии, приведенной в книге финского исследователя Ларса Петерсона [42, рис. 11], видны воротца с двускатной крышей на резных

столбах. Воротца были вставлены в ограду к западу от часовни и таким образом создавали еще один, четвертый, уступ этой гармоничной архитектурной композиции, хорошо вписанной в рельеф.

Заслуживают внимания некоторые детали памятника: решетчатая дверь интересного рисунка, ведущая из сеней в часовню, и крошечное трехкосячатое оконце сеней шириной 35 см, с гребнем и заплечиками. Любопытно, что в плоскости подоконного бревна вырезано подобие нижнего косяка (верхний косяк в зеркальном изображении). Аналогичные окна обнаружены в часовне Михаила Архангела в заонежской деревне Пааянцы-Бережная (XVII в.)⁸.

Ларс Петерсон, отметив такие окна в ныне утраченных часовнях в заонежских деревнях Ричнаволоок, Харино, Медведево, Загубье, подчеркнул, что они встречаются только в памятниках не моложе середины XVIII в. [42, с. 248]. Имитация нижнего косяка встречается на бревне порога в часовне XVI в. в деревне Лазарево, на подоконном бревне часовни Муезерского Троицкого монастыря в Беломорском районе, построенной в 1672 г. (в виде врезанной доски). Все это дает основание предполагать, что в древности, на определенном этапе развития культовых сооружений, проемы выполнялись четырехкосячатыми, а позднее, после замены их трехкосячатыми, некоторое время нижний косяк имитировался как чисто декоративный мотив. Такое предположение подтверждает наличие четырехкосячатых проемов (дверей или окон) в церквях XIV—XV вв. Лазаря Муромского и Ризположения из села Бородава Вологодской области.

Ларс Петерсон на основании большого количества обследованных заонежских

памятников установил примерные хронологические границы применения различных конструктивных решений окон и дверей. Так, в наиболее древних трехкосячатых проемах косяки между собой и с подоконным бревном или порогом соединялись косой вырубкой «в ус», причем верхние косяки имели гребень и заплечики.

В Карелии такие проемы применялись примерно до середины XVIII века. В дальнейшем характер сопряжения косяков между собой сохранился, в то время как врубка их в нижележащие бревна стала выполняться под прямым углом. Такие проемы характерны для второй половины XVIII в. Следующий этап (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.) — верхний косяк делался без заплечиков. В конце XVIII — в XIX вв. боковые косяки стали сопрягаться под прямым углом. И, наконец, в конце XIX — начале XX вв. брусчатые косяки окон заменились дощатыми коробками, а верхний косяк дверей стал заводиться в прямоугольные вырезы на боковых косяках [42, с. 214—228, 243—260, табл. 121, 144]⁹.

В ходе своего развития клетские часовни и церкви повторяли многие этапы эволюции жилых и хозяйственных построек. В частности, слеговое основание их крыши развивалось подобно тому, как это было с крышами амбаров: примерно до середины XVII — начала XVIII вв. слеги чаще всего врубались в каждый шов между самцами; затем, примерно до середины XVIII в., — через самец, а начиная со второй половины XVIII в. получили распространение крыши с основанием из редко врубленных слег.

До середины XVIII в. постепенно усложнялось объемное решение клетских

часовен Карелии и обогащался их силуэт за счет устройства высоких подклетов и развитых крылец, увеличения крутизны скатов крыш. Хотя, кроме церкви Лазаря, древние клетские церкви в Карелии не сохранились, но, судя по известным памятникам в соседних областях русского Севера — таким, как церковь Ризположения из села Бородава Вологодской области (1485 г.), Георгиевская церковь Юковского погоста Ленинградской области (1493 г.), Богоявленская церковь Егломского погоста Архангельской области (1643 г.), — та же тенденция характерна и для эволюции клетских церквей. Логическим завершением процесса усложнения и обогащения объемно-пространственного решения клетских сооружений явилась пристройка к ним шатровых колоколен, получившая распространение в Карелии во второй половине XVIII и в XIX вв.

Колокольни — сооружения относительно «молодые», возникшие позже церквей. Первоначально они состояли из столбов, поддерживающих крышу и висящий под ней колокол. Позднее столбы стали окружаться срубами, превращаясь в монументальные башни, лишь площадка звона оставалась открытой.

Две колокольни Архангельской области — восьмериковая в селе Цывозеро (1658 г.) и «восьмерик на четверике» в селе Кулига (предположительно XVI в.) показывают, что первоначально в сформировавшихся колокольнях-башнях угловые столбы были одинарными, несущими; пяти-шестистенные срубы с повалами — опоры для стропил и полиц шатров.

Дальнейшую эволюцию колоколен можно проследить на примере сохранившихся

памятников Карелии. Уже в XVIII столетии в пределах звонницы с наружной стороны угловых столбов стали ставиться вторые столбы, часто резные, опирающиеся непосредственно на сруб. Их верхняя обвязка служила опорой для полиц шатра, что позволило без уменьшения выноса полиц отказаться от бревенчатого сруба в основании шатра. Примером может служить колокольня XVIII в., пристроенная к Варваринской церкви в селе Яндомозеро (см. разд. «Шатровые храмы»). Такое решение, рациональное в конструктивном отношении, одновременно повышало эстетические качества сооружений, способствуя созданию стройного гармонического силуэта без резкого сужения в пределах звонницы (одинарные угловые столбы, прижатые к внутренней поверхности сруба, значительно «западают» по отношению к верхним венцам повалов).

Двойные столбы стали традиционными и применялись в русских районах Карелии на протяжении XVIII и начала XIX вв. И лишь во второй половине XIX в. изменилось решение звонниц — угловые столбы вновь стали делаться одинарными. В колокольне, пристроенной к Ильинской часовне в деревне Пяльма (XIX в.), сохранены только наружные столбы, опирающиеся непосредственно на верхний венец повалов. Такое решение, хотя и позволявшее придать сооружению интересный расширяющийся кверху силуэт, с конструктивной точки зрения было очень несовершенно. Поэтому в большинстве случаев в этот период ставились только основные, внутренние столбы, которые благодаря хорошему заземлению в срубе обеспечивали устойчивость шатра, но сильно обедняли силуэт колоколь-

ни. Такой частичный возврат к архаичному решению был обусловлен общим упадком строительной культуры и плотницкого мастерства во второй половине XIX в.

Разнообразие приемов блокировки колоколен и часовен определило многообразие объемно-пространственных решений. В тех случаях, когда пристраиваемая колокольня отличалась по своим размерам и масштабу от основного здания, она нередко смещалась с продольной оси сооружения и, таким образом, приобретала

Рис. 27. Часовня Троицы и Дмитрия Солунского в деревне Селецкое

Фото Б. П. Бойцова

композиционную самостоятельность. Подобное решение, например, было принято в связи с пристройкой мощной шатровой колокольни к скромной клетской часовенке в деревне Вегоруксы. И, наоборот, в деревне Поля относительно небольшая колокольня поставлена точно по продольной оси часовни.

Рис. 28. Петропавловская часовня
на Волкострове

Фото Б. П. Бойцова

Рис. 29. Часовня Параскевы Пятницы
и Варлаама Хутынского в деревне Поддельники

Фото Б. П. Бойцова

В 1753 г. в заонежской деревне Селецкое была срублена клетская часовня¹⁰, состоящая из высокого восточного сруба с двумя ярусами повалов, перекрытого двухъярусной крышей, из сеней и галереи-крыльца, объединенных общей двускатной крышей. Крыльцо имело резные столбы, тесовые «в косяк» (т. е. из наклонно уложенных тесин), ограждение и вход с северной стороны. Такое богатое и пластичное объемное решение часовни обусловлено тем, что, поставленная на краю деревни открыто, без традиционного окружения елями, она господствовала в пространстве как объемная скульптура, выделяясь из деревенской застройки характерностью и богатством силуэта.

Во второй половине XIX в. над галереи-крыльцом была поставлена колокольня. Невысокий восьмерик ее основания увенчан энергичными повалами, а восемь одинарных столбов звонницы несут стройный шатер (рис. 27). В 1884 г. часовня, по свидетельству местных жителей, была обшита [42, с. 327], а крыльцо превращено в тесовые сени. На часовню Троицы и Дмитрия Солунского очень похожа по композиции часовня Михаила Архангела из соседней деревни Леликозеро (ныне в музее «Кижки»), но она меньше по величине, скромнее по декору, а ее колокольня поставлена не над крыльцом, а над срубом сеней.

Сходная постановка на открытой площадке предопределила и аналогичное композиционное решение другого заонежского памятника XVIII в. — Петропавловской часовни на Волкострове¹¹. Здание очень цельно — клетки собственно часовни, трапезной и сеней с примыкающими к ним с юга и севера галереями-гульби-

щами объединены общей двускатной крышей, из которой на востоке вырастает уступом сруб собственно часовни с массивной главкой на восьмигранном постаменте, а на западе — колокольня с нарядной девятистолбовой звонницей, увенчанной шатром (рис. 28).

Иначе решена часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в деревне Подъельники (XIX в.), выстроенная в густой еловой роще (рис. 29, 30). Она не нуждается в монументальных формах, поскольку окружающие ее деревья сами представляют видимый издали высотный акцент.

Среди елей поставлена и Георгиевская часовня в деревне Устьяндома (XVIII в.). Но здесь постройка наравне с деревьями господствует в пространстве, и недаром издали высокий шатер и остроконечные еловые вершины кажутся близнецами (рис. 31). Характерным примером этого вида культовых сооружений служит и часовня Успения Богородицы в деревне Корба (рис. 32).

Все этапы эволюции клетских культовых построек отразила Никольская церковь в заонежском селе Вегоруксы: к клетской часовне первой половины XVIII в.¹² в 1763 г. была пристроена колокольня, а в 1877 г. часовня была превращена в церковь путем пристройки алтаря¹³. Одновременно были выпилены широкие проемы в восточной и западной стене главного помещения, вместо крыльца и переходной галереи поставлен четырехстенный сруб сеней, в основании колокольни проделан широкий проход

Рис. 30. Главка часовни в деревне Подъельники
Фото Е. П. Войцоза

Рис. 31. Георгиевская часовня в деревне
Устьяндома

Фото Б. П. Бойцова

с одномаршевой лестницей, с запада к колокольне пристроено односходное крыльцо, и таким образом создана анфилада помещений общей протяженностью более 31 м. Вероятно, тогда же были растесаны окна, обшиты стены, а крыши (за исключением шатра колокольни и полиц) покрыты железом (рис. 33).

Превращение часовен в церкви приняло широкие масштабы во второй половине XIX в. Такова судьба бывших часовен в заонежских деревнях Поля (1863 г.)¹⁴ и Сибово (1865 г.)¹⁵, в прионежской деревне Суисаги (1864 г.)¹⁶.

Развитие культовых сооружений путем пристроек и надстроек имело место не только в районах с русским, но также

Рис. 32. Часовня Успения Богородицы
в деревне Корба

Фото Б. П. Бойцова

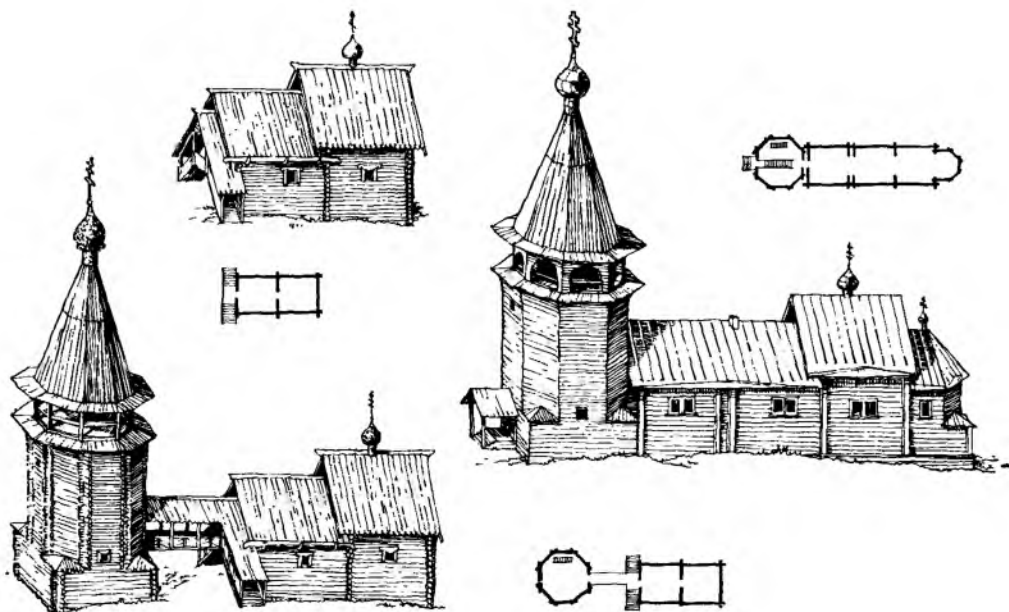

Рис. 33. Никольская церковь в селе Вегоруксы
По реконструкции автора

и с карельским населением. Примером может служить часовня в деревне Кангозеро (восточная часть Суоярвского района)¹⁷ (рис. 34, А). Первоначально она состояла из двух клеток, напоминая по композиции и конструкции часовни XVI в. в деревнях Пелкула и Ахпойла. Это сходство позволяет датировать памятник XVI или началом XVII вв. Позднее, вероятно на рубеже XVIII и XIX вв., сени надстроили до уровня основного сруба, превратив их в трапезную. Одновременно пристроили крыльцо, раскрытое с юга и ограниченное с запада и севера

стенками с широкими проемами, расчлененными резными столбиками. Крыльцо перекрывалось двускатной асимметричной крышей (южный скат, образовавший навес над входом, длиннее). Примерно в середине XIX в. над крыльцом поставили квадратную в плане колокольню, увенчанную невысоким шатром-колпаком без главки. Сруб колокольни на уровне звонницы прорезан широкими окнами, разделенными пополам столбиками, аналогичными столбикам крыльца. По-видимому, тогда же выпилили стену между собственно часовней и трапезной (бывшими сенями).

Облик часовни поражает своей непохожестью на аналогичные постройки. Невольно возникают ассоциации с древним

воином в остроконечном шлеме. Если смотреть прямо на фасад часовни, это сходство еще больше усиливают окна-«глаза» и столбик-«переносица».

Своеобразие часовни в деревне Кангозеро не случайно: если простейшие клетские часовни карел, по своим формам созвучные гражданским постройкам, образовали устойчивый тип сооружений, то часовни с колокольнями стали распространяться в карельских районах не раньше конца XVIII в., что уже само по себе не способствовало формированию устойчивых архитектурных традиций. В результате — удивительное разнообразие таких часовен и некоторый примитивизм решения колоколен.

В этом отношении показательна часовня Николая Чудотворца и Ильи Пророка в деревне Чуйнаволок Пряжинского района (конец XVIII в.)¹⁸ — сооружение, единственное в своем роде (рис. 34, Б). Его квадратный в плане сруб разделен на собственно часовню и сени. В свою очередь, главное помещение памятника разделено тесовой перегородкой пополам. Над средней частью сеней возвышается восьмигранная девятистолбовая колокольня. Устройство лестницы, ведущей на звонницу, было осложнено расположением колокольни точно по оси входа и ее незначительной по сравнению с сенями шириной. К началу 1950 гг., когда часовня была впервые обследована, лестницы не существовало. Возможно, прежде она представляла собой примитивную стремянку. При капитальном ремонте памятника в 1970 г. лестница была сооружена заново по аналогии с другими часовнями.

Колокольня имеет небольшие повалы и перекрыта в настоящее время низкой

восьмискатной крышей, но, судя по обнаженному участку осевого столба между верхом существующего покрытия и шейкой главки, прежде она венчалась невысоким шатром-копалком. С запада к сеним примыкает крыльцо. Сруб часовни перекрыт очень крутой двускатной крышей. Интересно, что высота здания до конька равна его длине и ширине (8,5 м) и, таким образом, основной объем часовни как бы вписывается в куб, создавая впечатление особой компактности и монолитности.

Очень нарядно крыльцо часовни, перекрытое односкатной крышей. Его просторная верхняя площадка с шестью столбами великолепной резьбы шире лестничного марша и консольно нависает с боков. Лестница срублена из окантованных бревен. Ограждение крыльца тесовое «в косяк».

Иначе решена колокольня, надстроенная в середине XIX в. над часовней в деревне Новинка (Олонецкий район). Она поставлена над помещением трапезной и частью сеней, а восьмерик ее основания ниже конька крыши, который с востока и запада упирается в ограждение звонницы. Архаизм, проявляющийся в расположении колокольни, не соответствующей плану сооружения, и в высотной неувязке пола звонницы и крыш примыкающих срубов¹⁹, подтверждает предположение об отсутствии в карельских колокольнях специфических для этого типа сооружений традиций и преемственности опыта, накопленного народными мастерами в русских районах края, в результате чего поиски конкретных конструктивных и композиционных решений зачастую приводили к повторению

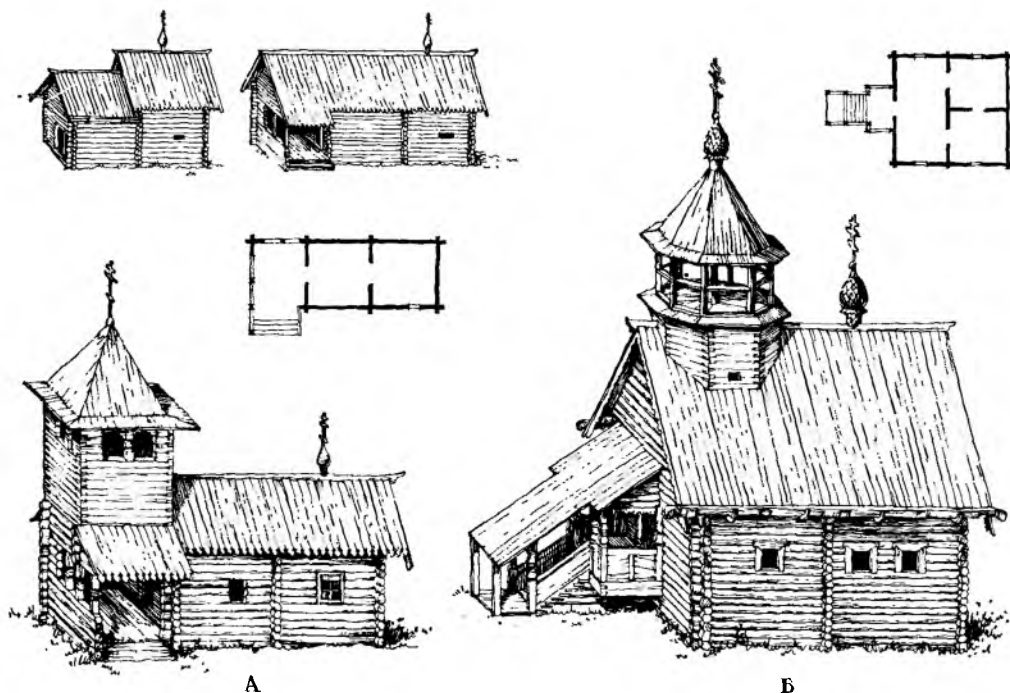

Рис. 34. Эволюция часовен

По реконструкциям автора

А — эволюция часовни в деревне Кангозеро;
Б — часовня в деревне Чуйнаволок

определенных этапов, уже пройденных деревянным зодчеством Севера в процессе своего развития.

Но зато в колокольнях карел нетрудно усмотреть действие традиций, связанных с общими тенденциями развития карельской архитектуры. Так, в районах с преобладающим карельским населением широко распространены квадратные в плане колокольни, а безусловно тради-

ционным типом покрытия является невысокий колпак. Если популярность прямоугольных колоколен можно объяснить чисто утилитарными соображениями (для небольшого помещения четырехгранный сруб проще и естественнее многогранного), то объяснение формы покрытия лежит глубже.

Распространение христианства в Карелии сопровождалось постановкой новых культовых сооружений в священных рощах карел-язычников, чтобы придать

Рис. 35. Варваринская часовня в деревне Коккойла

Фото Б. П. Войцова

совершаемым здесь обрядам иное содержание. Но надежды христианских миссионеров оправдались лишь частично — вплоть до начала XX столетия, наряду с христианскими представлениями, среди карел бытовали многочисленные языческие пережитки, прежде всего — одухотворение деревьев. Вот почему деревья обычно играли главную роль, а часовни композиционно подчинялись им. Вероятно, поэтому в карельских районах относительно поздно клетские часовни обогатились высотными объемами колоколен, а традиционные для деревянного зодчества русского Севера величественные шатровые покрытия, как правило, заменялись скромными колпаками или подчеркнуто невысокими шатрами. Подобные часовни встречаются и в русских районах края, но там это — единичные явления.

Ярко и убедительно отразила особенности художественного мышления карел Варваринская часовня XIX в. в деревне Коккойла (Пряжинский район)²⁰. Она проста по композиции — удлиненный прямоугольный сруб разделен поперечной стеной на помещения собственно часовни и сеней. С запада к сеням примыкает крыльцо. Над сенями возвышается шестигранная колокольня, обшитая, как и весь сруб, тесом. Простые одинарные столбы звонницы несут невысокий шатер, который благодаря мягкому переходу между гранями кажется круглым. Точно так же скруглены контуры полиц, что делает сооружение созвучным окружающим сосенкам, вытянувшим вверх свечки своих цветов. Венчается шатер шишкообразной главкой с крестом. Вторая такая же главка врезана в конек дву-

скатной крыши часовни, третья (ныне утраченная) прежде украшала крыльцо. Главки Варваринской часовни удивительны — их продолговатая форма, напоминающая еловые шишки, не имеет ничего общего с традиционными луковичными маковками русских православных церквей и часовен. Даже чешуйки лемеха напоминают стилизованные елочки, словно утверждая, что лишь одна природа достойна подражания (рис. 35).

Варваринская часовня — не единичное явление. Судя по отчетам В. Г. Брюсовой²¹ об экспедиции 1952 г., в деревнях Мансельга и Терусельга Каскеснаволоцкого сельсовета Пряжинского района находились часовни с вытянутыми главками в виде шишек, покрытыми лемехом в виде елочек.

ШАТРОВЫЕ ХРАМЫ

Как появились на Руси шатровые храмы? Скорее всего их прообразом послужили древние «вежи» — дозорные крепостные башни. Судя по изображению на полях псковского рукописного «Устава», в XII в. на Руси существовали столпообразные деревянные церкви, крытые шатром [4, с. 113, 116], а летописные источники конца XI в. указывают, что к этому времени восьмериковые с четырьмя прирубами церкви считались уже освященными традициями. Об этом, в частности, рассказывает «Устюжская легенда»: церковь Успения в Устюге была построена в 1290 г., несколько раз сгорала при пожарах, и ее рубили вновь «такову же, какова была». Когда после очередного пожара 1491 г. ростовский мастер Алексей Вологжанин не последовал традиции, заложив церковь «не по

старине кресъчату», недовольство устюжан было настолько велико, что мастер был вынужден срубить церковь вновь «круглу по старине о 20-ти стенах» (т. е. в виде восьмигранника с 4 прирубами) [36, с. 49, 65—67, 98—99, 109].

Судя по «Устюжской легенде», уже в XV в. получили распространение крестообразные в плане церкви («не по старине кресъчаты»), которые были представлены в Карелии не сохранившейся до наших дней Никольской церковью в селе Шуерецкое (1595 г.)²² — крестообразным в плане срубом, несущим более широкий, чем ветви креста, низкий восьмимерик с энергичными повалами (рис. 36, А). Восьмерик венчался высоким шатром, а ветви креста перекрывались прямоскатными крышами с полищами [12, с. 94, рис. 210, 214].

В XVII в. получил широкое распространение новый тип шатрового храма — «восьмерик на четверике», ознаменовавший собой усиление декоративных начал в культовой архитектуре. Наиболее древним из дошедших до нас памятников такого типа является Никольская церковь Муезерского Троицкого монастыря, построенная в 1602 г.²³ Строго говоря, в этом раннем сооружении тип популярного в XVII столетии храма еще не сформировался: восьмимерик поставлен не над квадратным в плане срубом-четвериком, а над вытянутым в продольном направлении единым объемом собственно церкви и алтаря, разделенных в интерьере лишь алтарной преградой иконостаса (рис. 36, Б).

Подобная композиция сооружения могла возникнуть в результате надстройки восьмирика над примитивной клетской

церковкой, причем положение шатрового столпа не соответствует плановому решению — восьмирик поставлен не только над собственно церковью, но и над частью алтаря.

С запада к помещению церкви примыкает обширная трапезная. В настоящее время трапезная перекрыта двускатной стропильной крышей, более крутой, чем крыша над восточной клетью. Покрытие ее новое и, по всей вероятности, выполнено в начале XX в. во время капитального ремонта храма. До этого, судя по следам, трапезная перекрывалась по следам. С запада к трапезной подводит парадное крыльцо, сильно переделанное при ремонте и сохранившее, возможно, только самую общую композицию и рубленные из окантованных бревен ступени лестницы.

Шатер церкви стропильной конструкции. А. А. Молчанов предполагает, что это также результат более поздней переделки [23, с. 113, 115]. В самом деле, наиболее древние шатры рубились из бревен: например, в известных храмах XVII в. шатры рубились «в реж», когда бревна соединялись в углах «в четверть дерева». Верхняя часть шатра при этом делалась стропильной. И вместе с тем целиком стропильные шатры встречались уже в древнейших колокольных (например, в селе Кулига, XVI в.).

Учитывая, что по своей композиции Никольская церковь является как бы переходным звеном от клетских церквей к шатровым типа «восьмерик на четверике», возможно, в ней с самого начала была принята конструкция шатра, характерная для колоколен и облегчающая надстройку²⁴.

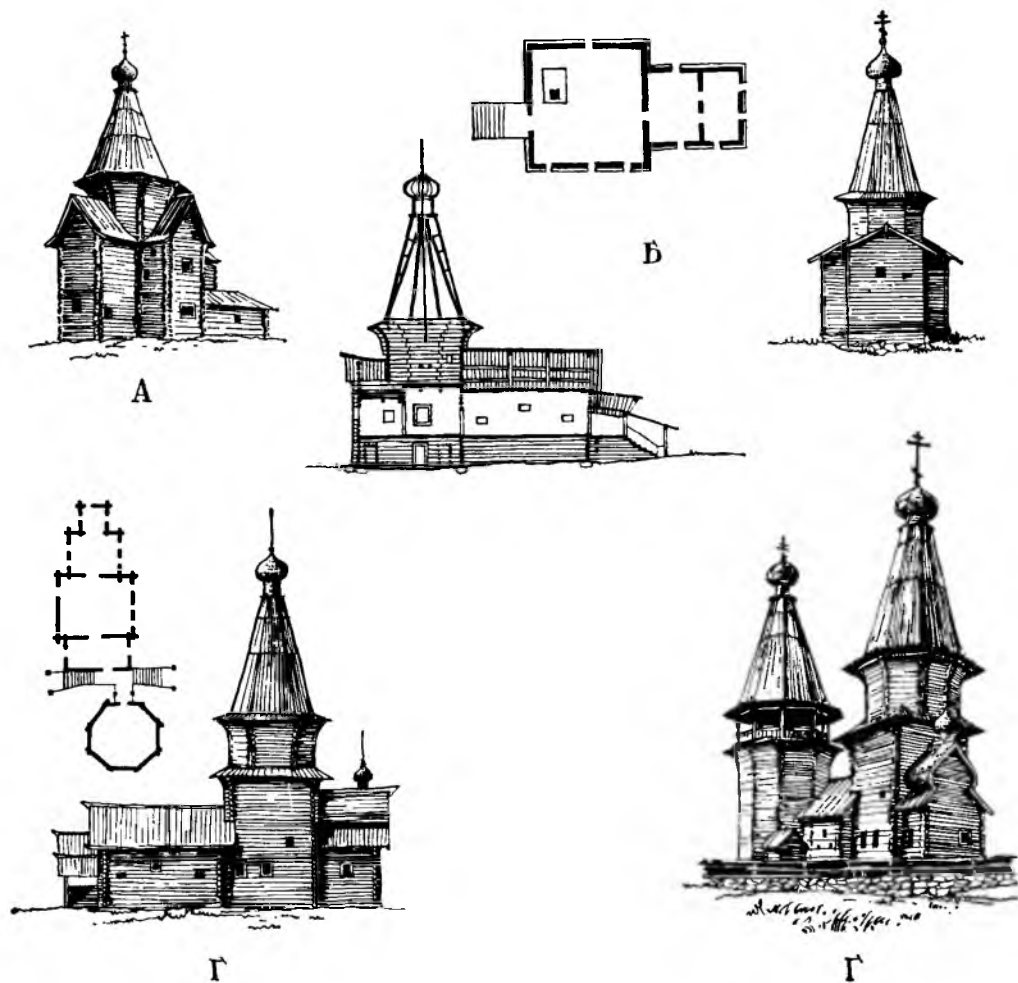
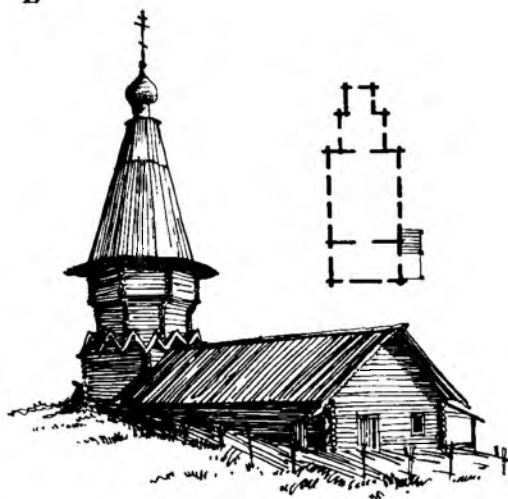

Рис. 36. Шатровые храмы
Рис. Э. В. Воскресенского

А — Никольская церковь в селе Шуерецкое;
Б — Никольская церковь Муезерского Троиц-
ного монастыря (по обмеру Ю. П. Гнедовско-

В

Д

го, В. В. Кувырдина и автора); В — Богоявленская церковь в селе Челмузи; Г — Варваринская церковь в селе Яндомозеро (до и после

пристройки колокольни); Д — Петропавловская церковь на Лычном острове (до и после пристройки трапезной)

Обращает на себя внимание любопытная особенность планировки Никольской церкви: крыльцо, вход в здание и дверь, ведущая из трапезной в церковь, сдвинуты к югу. Точно так же царские ворота — композиционный центр двухъярусного иконостаса — находятся с южной стороны, а северная пономарская дверь ближе к центру помещения. Таким образом, по отношению к геометрической оси церкви ее функциональная ось оказалась смещенной к югу, в зону лучшей освещенности. Не случайно, что из шести окон трапезной и церкви четыре обращены на юг.

Вообще в Никольской церкви естественный свет является одним из главных средств, выявляющих композиционную идею интерьера, — интенсивность освещения различных частей сооружения соответствует значимости этих частей. Так, трапезная скудно освещена четырьмя маленькими бескосыщатыми оконцами, вырубленными каждое в паре бревен наподобие волоковых, но, судя по следам, имевшими прежде переплеты со слюдой. По сравнению с сумрачной трапезной церковь, освещенная двумя относительно большими «красными» окнами, кажется светлой. Расположение окон перед самым иконостасом преследовало цель максимально его осветить.

Еще более четкий композиционный замысел ощущается в интерьере другого памятника начала XVII в. — Богоявленской церкви в селе Челмужи, где увеличение культовой значимости помещений при движении с запада на восток дважды подчеркнуто нарастанием их высоты и освещенности. Сени высотой всего 235 см освещены одним трехкосым

окном, просторная трапезная высотой 278 см освещена уже двумя парами окон и, наконец, двухсветное помещение собственно церкви высотой 415 см освещено одним окном с севера и тремя — с юга и кажется особенно высоким и светлым.

Композиционным центром интерьера является тябловый иконостас, у которого сохранились основания трех верхних ярусов — горизонтальные тябла, расписанные стилизованным растительным орнаментом (белым по охристому фону). Вывезенные экспедициями Карельского музея изобразительных искусств иконы XVI—XVIII веков помогают мысленно воссоздать праздничность первоначального облика главного помещения церкви. Здесь уже налицо новая трактовка интерьера — постепенность увеличения высоты помещений, соразмерных человеку, вместо характерного для XV—XVI столетий контраста между низкими сенями и раскрытым на всю высоту шатра пространством собственно церкви.

Богоявленская церковь построена в 1605 г.²⁵ (рис. 36, В). В плане она представляет собой вытянутый прямоугольник, разделенный двумя бревенчатыми стенами на сени, трапезную и собственно церковь с алтарем. Подобно Никольской церкви, собственно церковь и алтарь здесь также отделены друг от друга только иконостасом. Общим для обеих церквей является несоответствие между плановым и объемным решением — шатровый столп длиннее главного помещения — собственно церкви. Но на этом сходство кончается: если в Никольской церкви столп расположен над главным помещением и частью алтаря, то в Богоявленской церкви он смещен к западу,

возвышаясь над собственно церковью и частью трапезной; если в первом случае восьмерик вырастает прямо из двускатной крыши церкви, то во втором он уже имеет основание в виде четверика.

Прямоскатная крыша алтаря Богоявленской церкви переходит в живописную бочку, покрытую уложенными внахлест тесинами с контурной городковой резьбой. В конек бочки врезана изящная лемеховая главка. Западная часть трапезной и сени перекрыты безгвоздевой крышей. Над сенями возвышается шатровая колокольня типа «восьмерик на четверике». Несущие шатер 8 столбов звонницы двойные. С запада к сеням примыкает крыльцо с резными столбиками, поддерживающими двускатную крышу. Нижняя часть здания, включая четверик храмового столпа, обшита. Резные концы желобов-водостоков, отводящих воду из чердачной части здания, резные столбики крыльца и звонницы, причелины, кисти, лемех главок придают сооружению праздничную нарядность.

Очень живописен и характерен двухшатровый силуэт храма. И вместе с тем Богоявленская церковь выглядит несколько неуравновешенной и разномасштабной из-за несоответствия лаконичного по своим формам, рубленного «в обло» храмового столпа и размельченной колокольни с легкой звонницей и рубленным «в лапу» восьмериком. Это несоответствие не случайно: судя по характеру рубки стен и другим архитектурно-конструктивным деталям, колокольня поставлена над сенями позднее — вероятно, одновременно с надстройкой трапезной (верхние венцы последней более новые, а в пятом сверху видны гнезда для куриц), расширением

окон (рядом с существующими проемами, которые по характеру сопряжения косяков можно отнести ко второй половине XVIII века, сохранились следы запечников старых окон) и устройством престола Петра и Павла в юго-восточном углу трапезной²⁶. (Отсюда и второе название церкви — Петропавловская).

В делах Повенецкого Петропавловского собора сохранилась любопытная, на первый взгляд противоречивая, запись о церкви Челмужского погоста, «построенной тщанием прихожан» в 1778 г.²⁷ Церковь не могла быть построена в это время, что, помимо упомянутых выше документов, подтверждается письмом причта и старосты Богоявленской церкви, где указано, что в 1880 г. «церковь от давности времени пришла в крайнюю ветхость, капитальная поправка ее невозможна»²⁸. Естественно, что за одно столетие здание не могло настолько обветшать, и, следовательно, в 1778 г. был просто освящен новый престол²⁹ и проведена реконструкция церкви — надстройка колокольни и расширение окон.

Многие конструкции Богоявленской церкви выполнены заново при последних ремонтно-реставрационных работах: буттовые фундаменты подведены в 1913 г. архит. Д. В. Милеевым, восьмерик и стропильный шатер возведены в 50-х годах по проекту архит. Б. В. Гнедовского. При этом, судя по довоенным фотографиям и обмерам Д. В. Милеева [12, с. 102, рис. 223, 229, 230, 231], был занижен по высоте и выполнен без повалов восьмерик храмового столпа.

Примером полностью сформировавшихся храмов типа «восьмерик на четверике» может служить Варваринская

церковь в селе Яндомозеро, построенная в середине XVII в.³⁰ Первоначально она состояла из алтаря, шатрового храмового столпа, трапезной и крыльца. Контрастно противопоставленный низкому объему трапезной столп церкви с высоким четвериком, небольшим восьмериком и устремленным вверх шатром с крупной маковкой-главкой воспринимается очень стройным и высотным. И вместе с тем благодаря четким горизонтальным членениям полиц четверика и шатра он пропорционально увязывается с остальными частями сооружения. Вертикальная направленность церкви дополнительно подчеркивается бочечным венчанием прямоугольного алтаря (рис. 36, Г). В отличие от архаичных церквей начала столетия алтарь храма образует самостоятельную клеть.

Типичен интерьер Варваринской церкви. Просторная трапезная (6,4×5,5 м) освещена четырьмя окнами — одним с севера и тремя с юга. Северное окно волоковое, центральное южное окно косячатое, боковые — волоковые. Такое сочетание красного и волоковых окон, характерное для древних жилых домов, в других известных памятниках культовой архитектуры Карелии не встречается.

Из трапезной в собственно церковь ведет широкий проем с трапецевидным завершением. Относительно светлое помещение храма перекрыто 16-полным «небом» — потолком в виде пологой усеченной пирамиды. Такие потолки возникли в XVII в. для отделения пространства шатра от используемого для культовых целей интерьера. Ребра «неба» — тiabла, врубленные в стены, и центральный замковый круг обычно расписывались растительным орнаментом, а клинья

между тiabлами заполнялись сюжетной живописью — иконами. В настоящее время живопись «неба» и иконостаса не сохранилась, но, судя по довоенным фотографиям (мысленно отбросив позднейшие наслоения), можно заключить, что главное помещение Варваринской церкви по своему характеру и степени насыщенности цветом отвечало декоративным тенденциям искусства XVII в.

Конструкции храма традиционны: нижняя часть шатра рублена из бревен, «в реж», верхняя — стропильная. Алтарная бочка рублена из бревен и сверху покрыта досками, с дугообразной контурной порезкой. Крыша над трапезной выполнена по следам, врубленным через сажок. В XVIII в. церковь подвергалась частичной реконструкции — надстраивалась трапезная (на чердаке, ниже существующего покрытия, видны гнезда следа старой крыши). Позднее, вероятно в середине XVIII в., было разобрано старое крыльцо, и на его месте, впритык к трапезной, поставлен сруб сеней. Одновременно были срублены колокольня, соединительная галерея и новое крыльцо³¹. Пристройка сильно усложнила композицию сооружения и вместе с тем привела к удивительному многообразию восприятия памятника, в котором в зависимости от точек зрения то церковь, то колокольня являются композиционной доминантой (рис. 37).

Мощный восьмерик колокольни на низком четверике, отличающийся по своему масштабу от остального сооружения,

Рис. 37. Варваринская церковь в селе Яндомозеро

Фото В. П. Бойцова

получил композиционную самостоятельность благодаря смещению к югу по отношению к продольной оси храма. Связывающие колокольню с церковью соединительная галерея и крыльцо имеют общий конек, в то время как скаты разновелики — северный скат длиннее из-за Г-образной формы галереи и верхней площадки крыльца, вызванной относительным смещением входов в сени и колокольню. Покрытия заканчиваются самостоятельными двускатными крышами над нижними площадками крыльца. Такая композиция несколько напоминает крыльцо Преображенской церкви в Кижях, но отличается большей живописностью, соответствующей асимметрии основных объемов сооружения. Вероятно, вместе с колокольней и крыльцом строились сени — единственная клеть, рубленая «в лапу». Сени и трапезная объединены крышей с общим коньком, но с различным конструктивным решением (безгвоздевое с курицами и потоками по слегам покрытие трапезной, красный тес по редким нарощенным слегам — над сенями).

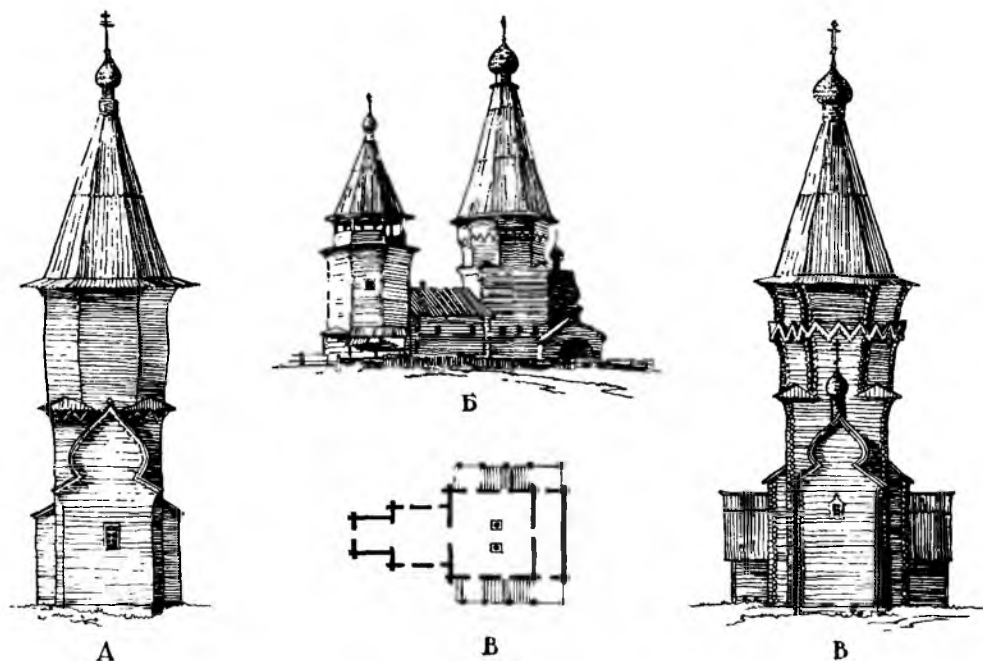
Сильно исказило Варваринскую церковь «поновление», произведенное с разрешения епархиального начальства в 1860 г.³² Но в результате тщательного обследования, а затем реставрации, выполненной под руководством А. В. Ополовникова, памятнику удалось вернуть облик, сложившийся в XVIII в. после пристройки колокольни.

Усиление мирского начала в культовой архитектуре XVII в. вызвало строительство просторных трапезных, в которых нередко решались чисто мирские дела. В конце XVII — в XVIII вв. трапез-

ные стали пристраиваться к существующим церквям. Так, Петропавловская церковь на Лычном острове (1620 г.)³³ первоначально состояла из шатрового столпа типа «восьмерик на четверике» с прямоугольным алтарем, перекрытым двускатной крышей. Судя по гнездам от слег, с запада к четверику церкви примыкали сени, по объему примерно равные алтарю. По предположению А. В. Ополовникова [25], в середине XVIII в. старые сени разобрали и вместо них поставили трапезную и новые сени (рис. 36, Д).

Петропавловская церковь является первенцем Прионежской школы шатровых храмов. Здесь уже налицо характерная для памятников этой школы схема — четверик и на нем два последовательно расширяющихся кверху восьмерика, увенчанных шатром. Правда, сам четверик, в отличие от более поздних построек, не имеет повалов, а каждая его грань завершается фронтоном, из середины которого как бы вырастает соответствующая грань восьмерика. Образовавшиеся на углах четверика полуфронтоны дополняются декоративными крышами, составляющими фронтоный пояс. Под стыками фронтончиков помещены желоба-водостоки, и, таким образом, пояс не только украшает, но и защищает сруб от влаги.

В настоящее время Петропавловская церковь производит впечатление неуравновешенности: по отношению к шатровому столпу горизонтальный объем трапезной и сеней непропорционально велик, а алтарь, наоборот, мал. Но если мысленно отбросить позднюю пристройку, то легко убедиться, что сама по себе башня церкви достаточно гармонична.

К западу от Лычного острова в старинном селе Линдозеро в 1634 г. была срублена Никольская церковь, разрушенная в 30-х годах [12, с. 120, рис. 276, 277]. От Петропавловской церкви она отличалась более стройными пропорциями: очень высокий четверик, с высотой, в два раза превосходящей ширину, завершался четкими повалами и нес два последовательно расширявшихся кверху восьмерика, увенчанных шатром, примерно в два раза более низким, чем сруб основания, и от этого казавшимся особенно легким. Тройное расширение храма кверху и изящные контуры повалов придавали его силуэту прихотливое свое-

Рис. 38. Шатровые храмы Прионежской школы

Рис. Э. В. Воскресенского

А — Никольская церковь в селе Линдозеро;
Б — Богородицкая церковь в селе Гимрека;
В — Успенская церковь в Кондопоге

образие и вместе с легкостью и вертикальной направленностью форм создавали впечатление устремленности вверх, высотности (рис. 38, А).

В отличие от Петропавловской церкви, здесь в соответствии с общей композиционной идеей алтарь завершался не прямоскатной крышей, а более пластичной и целенаправленной кверху бочкой. Изменилось и решение перехода от

четверика к восьмиеру — свободные углы четверика были перекрыты спокойными полицами. Правда, при этом фронтоный пояс, проходящий под полицами, в значительной степени утратил свой конструктивный смысл. Несмотря на последовательность осуществления композиционного замысла и логику архитектурных форм, объемно-пространственное решение Никольской церкви вызвало некоторую неудовлетворенность. Очень высокие восьмиерики, относящиеся к высоте четверика примерно как 1:1,5, выпадали из системы пропорций, заданной соотношением шатра и сруба основания (примерно 1:2).

На юго-западном берегу Онежского озера во второй половине XVII в. был срублен еще один выдающийся памятник Прионежской школы — Богородицкая церковь в селе Гимрека (ныне входит в состав Ленинградской области). Основная идея сооружения — высотность — здесь выражена иначе, чем в Никольской церкви села Линдозеро: относительно приземистый четверик (грани менее 1,5 квадратов) несет на себе два низких восьмиерика, суммарная высота которых относится к высоте четверика примерно как 1:2. На этом основании возвышается почти равный ему по высоте шатер (рис. 38, Б).

Впечатляет острый контраст между приземистостью основания и высотностью шатра, кажущаяся высота которого еще больше увеличивается благодаря трем постепенно уменьшающимся кверху ярусам тесового покрытия. Вместе с тем шатер, выпадающий из системы пропорций облегчающегося кверху сруба основания, вызывает ощущение неуравновешенности.

В остальном Богородицкая церковь не только отразила достижения Прионежской школы шатровых храмов (повалы четверика и восьмиериков, решение перехода от четверика к восьмиеру, бочечное венчание алтаря), но и озаменовала шаг вперед — фронтоный пояс был перемещен с четверика на стык двух восьмиериков.

А. В. Ополовников предполагает, что прием промежуточного повала и фронтоного пояса над ним, распространенный в районах с преобладающим карельским населением, связан с национальными особенностями карельского искусства [26, с. 110]. Такое предположение вполне правомочно — плотники-карелы уже в XVI в. славились по всей Руси как мастера своего дела [29, с. 90] и могли внести национальный колорит в архитектуру крупных культовых сооружений, возводимых в соответствии с традициями русского деревянного зодчества.

Особенности церквей Прионежской школы полностью соответствуют стремлению карел к рациональности и естественности — ведь тройные повалы при всей своей декоративности очень рациональны по существу, так как позволяют увеличивать свесы крыши и с помощью фронтоных поясов решать промежуточный водоотвод, что особенно важно для предохранения от осадков высоких срубов. Кроме того, четкая зубчатая форма фронтонычиков как нельзя лучше отвечает декоративным принципам карельской архитектуры.

Десятилетиями проверялись на практике системы пропорций, шлифовались формы и детали, постепенно накапливался опыт. Нужны были лишь благоприят-

ные условия, чтобы все это отлилось в новое архитектурное качество. Такие условия сложились во второй половине XVIII в. в селе Кондопога, которое в то время переживало экономический подъем: расположенное на древнем волоке между озерами Онего и Него, оно превратилось в перевалочный пункт, через который перевозили мрамор для строек Петербурга и железную руду для металлургических предприятий Петрозаводска. Оживленная хозяйственная деятельность создала здесь экономические предпосылки для строительства значительного сооружения.

Конец столетия был отмечен подъемом народного самосознания. Взрыв пугачевщины потряс всю страну. Ему предшествовало крупное антифеодальное выступление в Карелии, получившее название Кижского (1765—1771 гг.).

Все это вместе взятое и создало предпосылки для строительства демократического по своему содержанию сооружения. Самобытность культуры карел и взаимообогащающие культурные контакты с русскими поселенцами содействовали возведению здесь многообразных построек, многие из которых до сих пор стоят в окружающих Кондопогу деревнях. Следовательно, в крае были квалифицированные плотники, способные создать высокохудожественное и технически сложное сооружение.

Именно таким сооружением и стала срубленная в 1774 г. Успенская церковь в Кондопоге — один из интереснейших памятников деревянного зодчества и безусловно лучшая из всех сохранившихся деревянных патровых церквей России (рис. 39, 40). И хотя здесь все приемы тра-

диционны — типичное для прионежских церквей сочетание четверика и двух восьмериков под пирамидой шатра, пропорции шатра и четверика, напоминающие Линдозерскую церковь, положение фронтового пояса, аналогичное церкви в Гимреке (рис. 38, Б), — церковь Успения производит необычайное художественное впечатление.

Самые разные мысли и настроения вместил в себя емкий образ церкви Успения, высотность которой из формального композиционного приема превратилась в эмоциональное выражение глубоких гражданственных и художественных идей. Скорбь по погибшим³⁴, вера в победу, утверждение величия человеческого духа, подчинение пространства и единение с природой — язык архитектуры допускает разные толкования, но впечатляющая сила его велика.

Пологий берег Чупа-губы Онежского озера, горизонтальные полоски островов, приземистые деревенские дома... И всей этой подчеркнутой горизонтальности противопоставила свою вертикаль Успенская церковь. Здесь контраст — средство господства и единения: храм, подчинивший себе пространство, словно впаян в озерные дали. 41 метру равна высота Успенской церкви. Она выше всех существующих деревянных храмов, кроме Вознесенской церкви в селе Пиялы Архангельской области (49 метров).

Но этого строителю показалось мало, и он поставил храм на самой высокой точке пологого берега озера. Пол церкви поднят на высокий подклет, и поэтому все части здания получили стройные, вытянутые вверх пропорции. Даже массивная трапезная не кажется тяжелой, уже

не говоря о вертикальном объеме алтаря, увенчанного килевидной бочкой. Но ярче всего устремленность вверх запечатлена в столпе храма, гармония форм которого обусловлена четкой пропорциональной системой: высота шатра и сруба башни, двух восьмериков и четверика, а также высота четверика и его ширина находятся в отношении примерно 1:2. Эта простейшая пропорциональная зависимость обогащается удивительно точно найденными соотношениями более мелких объемов и деталей.

При анализах архитектурного наследия издавна велись поиски математического выражения «универсальных» пропорций и «объективной» красоты. И хотя спорны попытки втиснуть творения народных мастеров во всеобъясняющие рамки математических формул или графических построений, вместе с тем полное отрицание применения в деревянном зодчестве определенных пропорциональных систем равносильно непониманию особенностей развития народного искусства как коллективного творчества, синтезирующего достижения и опыт многих поколений мастеров и, в том числе, опыт пропорционального построения сооружений.

Как отметили П. Н. Максимов и С. Я. Забелло, анализ отдельных памятников позволяет предполагать, что строители их применяли определенные правила пропорций, тесно связанные со способами производства строительных работ,— простейшие кратные отношения [12, с. 19]. Но, как правило, системы пропорций в классическом деревянном зодчестве не абсолютизировались, а служили лишь отправной точкой в поисках художественной выразительности. Лучшее доказатель-

ство тому — многообразие памятников народной архитектуры Карелии.

Не является исключением и церковь Успения. Здесь система пропорций определила лишь костяк сооружения, а плоть его неповторимых форм и объемов рождена творческой интуицией мастера, способного уловить тончайшие нюансы пропорций, понять секрет их эмоционального воздействия на людей и увидеть в них не абстрактные математические соотношения, а конкретный тектонический смысл облегчающегося кверху высотного сооружения.

Помимо пропорционального строя, высь Успенской церкви подчеркнута контрастным противопоставлением устремленного вверх шатра — статичной трапезной, массивности сруба — легкости «висящих» на кронштейнах крылец, глухой поверхности стен — маленьким оконным проемам.

Удивительна многоплановость сооружения, раскрывающаяся постепенно: издавна скульптурно-пластичная церковь кажется совсем небольшой, но по мере приближения буквально вырастает на глазах и поражает грандиозностью своей высоты. Секрет простой — чем ближе к памятнику, тем меньше детали различаются глазом. От сопоставления с ними объем сооружения кажется более значительным, а вблизи воздействует на человека непосредственно пластика форм — повалы четверика и восьмериков, нависая друг над другом, создают ощущение динамики, взлета вверх.

Так же постепенно памятник раскрывается при каждой новой встрече с ним.

Рис. 39. Успенская церковь в Коидопоге

Фото Б. П. Бейцова

Вначале он подчиняет человека своему эмоциональному настрою, заставляя любоваться общей гармонией объемов и совершенством силуэта. Затем постигаются частности — отдельные фрагменты и детали. И лишь много позже смягчается острота новизны, возвращая человеку способность осмыслить увиденное. Но новая встреча с храмом, иная погода и условия освещенности,— и все начинается заново.

Демократическое содержание Успенской церкви вполне конкретно выражено в повышенном внимании к архитектурному решению трапезной — светлой, просторной, со скамьями вдоль стен и двумя резными столбами, словно поддерживающими потолок своими «руками» — кронштейнами. Как известно, на Севере в XVII в., в связи с оживлением земской деятельности, церковные трапезные стали общественными центрами сел. Но уже со второй половины XVII в. высшее духовенство стало изгонять «мирской дух» из церквей, подчиняя трапезные исключительно требованиям культового церемониала.

Вскоре в средней России трапезные утратили свою былую обособленность и лишь на Севере вплоть до второй половины XVIII в. продолжали строиться в соответствии с демократическими традициями XVII столетия. Но в конце концов духовенство сломило строитивость северян, и трапезные превратились в придаток главных помещений храмов. Нередко в них даже устанавливался отдельный престол или выпихивалась стена, разделяющая трапезную и собственно церковь.

Но хотя Успенский храм построен в период усиления в народном зодчестве

Севера диктата духовенства, его архитектура, и прежде всего архитектура трапезной, отражает лучшие народные традиции.

То же можно сказать и о крыльцах, лестничные марши которых, вопреки церковным канонам, ориентированы на восток, в сторону деревни.

Дальнейшую эволюцию шатровых храмов можно проследить на примере Вознесенской церкви в заонежском селе Типиницы, построенной во второй половине XVIII в.³⁵ Вознесенская церковь — один из самых крупных и монументальных храмов русского Севера: первоначальная высота ее шатрового столпа превышала 41 метр.³⁶ Впечатление подчеркнутой монументальности усиливается благодаря внушительному пятнадцативенцовому подклету и высоко прорезанным окнам, которые, хотя и растесаны (за исключением сохранившихся старых окошек на северо-восточной и южной стенах алтаря и на южной стене сеней), но по сравнению с огромностью сру кажутся маленькими. Храм принадлежит к типу «восьмерик на четверике» и, подобно Яндомозерской церкви, объединен с шатровой колокольней. Здесь менее значительная колокольня (высота до верха креста 32 м) поставлена точно по оси сооружения и лишена композиционной самостоятельности.

Парадное крыльцо; проход в основании колокольни с широкой одномаршевой лестницей; тесовый переход, поддерживаемый бревенчатым срубом; сени, сруб которых покоится на выпусках-

Рис. 40. Успенская церковь в Кондопоге
Фото Б. П. Бойцова

кронштейнах; трапезная; двухсветное главное помещение, перекрытое шестнадцатипольным «небом»; алтарь, разделенный тесовой перегородкой на две части с самостоятельными иконостасами,— все помещения церкви образуют анфиладу общей длиной в 45 метров.

Церковь подвергалась трем реконструкциям (не считая реставрационных работ 50-х годов нашего столетия). Первоначально она состояла из собственно церкви, алтаря, трапезной, сеней и двустороннего крыльца с основанием в виде отдельно стоящего сруба. Затем в юго-восточном углу трапезной был устроен дополнительный алтарь, освященный, судя по надписи на кресте, 2 января 1808 года. В 1830 г. к церкви пристроили колокольню, соединив ее с крыльцом небольшим переходом, подобно тому, как это сделано в Яндомозерской церкви.³⁷

Вероятно, в конце XIX в. сделали проход через колокольню и тесовый переход между колокольней и сенями вместо существующего до этого открытого крыльца. Таким образом, лишь к концу XIX столетия в результате ряда реконструкций храм приобрел вид, «подобающий официально чину».

Стремление к большей живописности и богатству силуэта привело к созданию церквей, увенчанных несколькими шатрами. В Карелии такие храмы представлены трехшатровым Успенским собором в Кемь, построенным в период с 1711 по 1717 г. [26, с. 31].

Собор (рис. 41) состоит из трех храмов-башен, группирующихся вокруг обширного помещения трапезной, которая служит композиционным ядром всего сооружения. С востока к трапезной примыкает главный

Успенский храм, с севера — Зосимо-Савватиевский храм, с юга — Никольский храм, с запада — сени и крыльцо.

Собор очень монументален и одновременно высоотен. Впечатление монументальности достигается почти кубическими объемами четвериков, невысокими с сильными повалами восьмериками и массивными шатрами с головастыми маковками. В свою очередь, высотность сооружения подчеркнута трижды: абсолютной высотой главного храма Успения (35,5 метра), ступенчатым переходом от боковых храмов (высота которых 23,5 метра) к главному и контрастным противопоставлением устремленных вверх шатров низким, пологим крышам трапезной, сеней и крыльца.

Несмотря на то что Кемский собор состоит из трех башен-храмов, он производит целостное впечатление. Это достигается однотипностью форм и общим горизонтальным членением, которое образуется благодаря совпадению уровней основания шатров боковых храмов и верха главного четверика.

При подобных, но разновеликих объемах, естественно, возникает опасность потери масштабности. В Успенском соборе эта опасность устранена рядом простых, но очень точных композиционных приемов.

Так, прекрасно понимая, что кажущиеся размеры сооружений обратно пропорциональны относительной высоте их навершия, народные мастера увенчали главный храм главкой, в 2,2 раза меньшей по высоте, чем шатер, в то время как для

Рис. 41. Успенский собор в Кемь
Фото Б. П. Бойцова

боковых храмов отношение высот главки и шатра составляет всего 1,7. Точно так же восьмерики ниже четвериков в главном храме в 1,9, а в боковых — в 1,4 раза. Той же цели служит большее расчленение центрального шатра по сравнению с боковыми (4 яруса красного теса покрытия против 3 ярусов).

Для Успенского собора характерна живописная асимметрия деталей при общей симметрии сооружения — Зосимо-Савватиевский храм отличается от южного, Никольского, входом и двойным окном на западном фасаде, а три алтаря собора разнятся размерами, формой покрытия и характером рубки углов. Все эти художественные приемы в своей совокупности и предопределили огромную впечатляющую силу Успенского собора. Под стать экстерьеру и интерьер этого замечательного памятника деревянного зодчества — строгий и величественный.

Конструкции собора традиционны. Следует отметить лишь одну любопытную особенность — главный шатер целиком рублен из бревен «в реж», в то время как боковые шатры — стропильные.

Шатровые храмы «древяна верх» были самым популярным на Руси типом культовых построек, и недаром, когда во второй половине XVII в. в связи с «искоренением раскола» началась активная кампания церковных властей против многих исконно русских народных традиций, одним из таких объектов гонений стал шатер.

Но искоренить народные традиции оказалось делом не простым, и, несмотря на запрещение, шатровые храмы продолжали строиться на Севере до самого конца XVIII века.

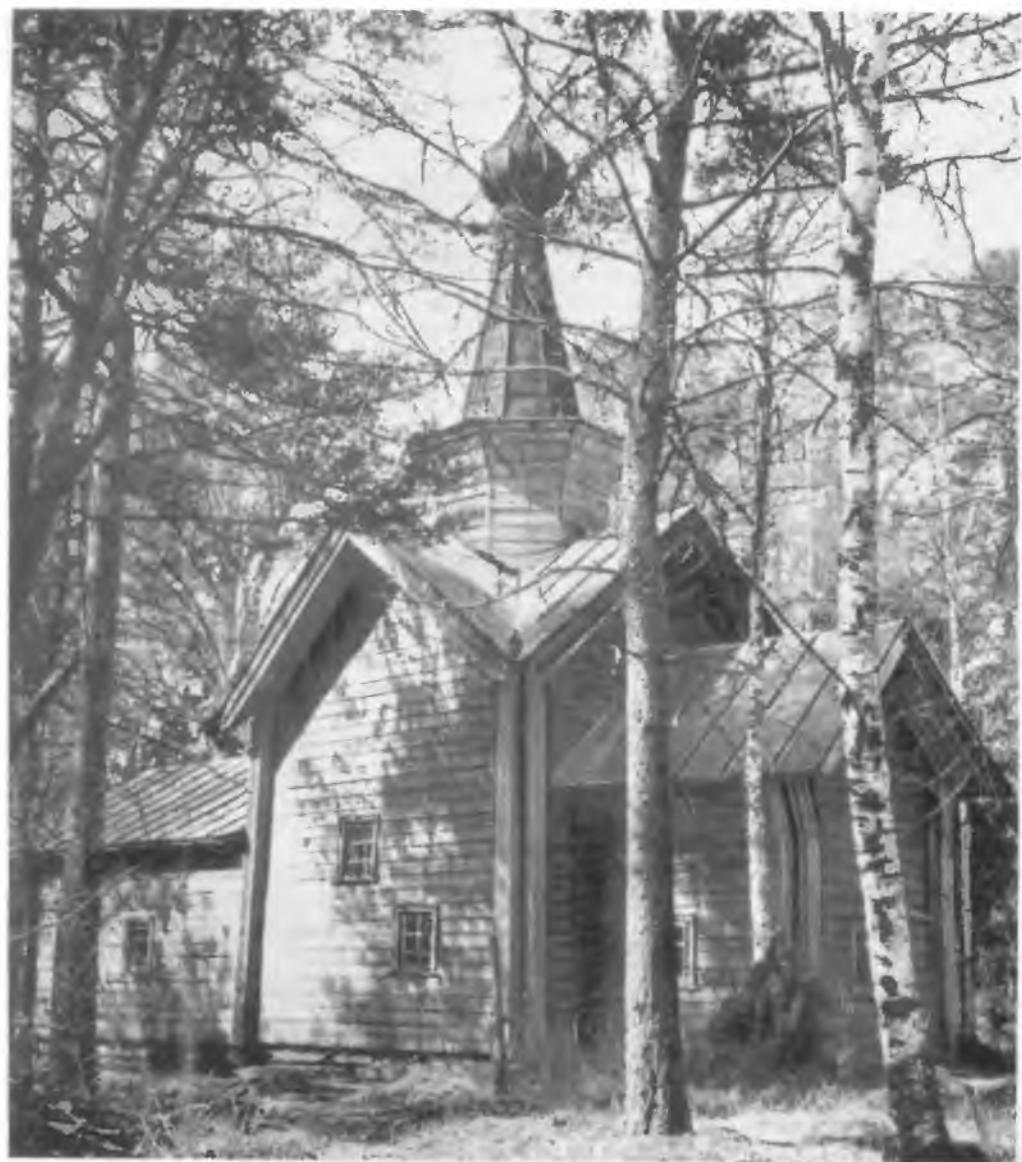
На юге Олонецкого района, в селе Мегрега, стоит церковь Фрола и Лавра, построенная в 1613 г.³⁸ (рис. 42). Вокруг храма — густой сосновый бор и кладбище, прежде окруженное рубленой оградой с воротцами³⁹ (сгорели в 1917 г.). Центральный объем сооружения — высокий четверик, перекрытый четырехфронтонной крестчатой крышей. На пересечении коньков поставлен небольшой восьмигранник с четкими повалами, увенчанный шпилевидным шатром с главкой. Стройный, прямоугольный в плане алтарь с повалами перекрыт крутой двускатной крышей, параллельной фронтонам церковного покрытия.

Трапезная прирублена позднее. Возможно, церковь прежде имела небольшие сени, по объему соразмерные алтарю. В северо-западном углу трапезной устроен вход с позднее построенным крыльцом под двускатной крышей.

К сожалению, обшивка стен и покрытие железом крыши, шатра и главки сильно исказили первоначальный облик сооружения и привели к утрате конструктивно-декоративных деталей, характерных для произведений народного деревянного зодчества.

Хотя сохранившиеся храмы с четырехфронтонной крестчатой крышей не старше XVII в., они, по предположению П. Н. Максимова и Н. Н. Воронина, существовали и раньше и упоминались в Новгородских писцовых книгах XVI в. под названием деревянных

Рис. 42. Церковь Фрола и Лавра в Мегреге
Фото Б. П. Войцова

церквей «на каменное дело» из-за сходства с каменными новгородскими и псковскими храмами [20]. Строительство церкви такого типа в Олонецком районе не случайно — здесь, на юге Карелии, издавна существовали особенно тесные контакты с Великим Новгородом.

В XVII в. после освобождения западной части Карелии от шведов (1611 г.) начал усиленно отстраиваться Рождественский погост на реке Олонке. Причем, судя по сохранившимся сведениям о строительстве Олонецкой крепости (1618 г.), работами, выполняемыми «мирной корелой», «в плотницком деле способной», руководили новгородцы, присутствовавшие «малым числом». Непосредственным влиянием Новгорода, по-видимому, и объясняется характер объемного решения Фроловской церкви.

Иногда пересекающиеся прямоскатные крыши таких храмов заменялись бочками (крестчатая бочка). Примером может служить Дмитриевская церковь в селе Шелейки (1793 г.), крестчатая бочка которой увенчана пятиглавием.⁴⁰

Пятиглавие, безусловно, заимствовано из каменной архитектуры. Если до середины XVII в. деревянное и каменное зодчество развивалось параллельно, одно обогащая другое, то уже к концу XVII в. деревянное строительство центральной России подпало под сильное влияние каменной архитектуры, постепенно теряя свою самобытность. Объясняется это, по словам П. Н. Максимова, ухудшением экономического положения крестьян — главных создателей деревянной архитектуры, культура которых в условиях усиления крепостного гнета неизбежно должна была угасать [21, с. 120].

Иные условия сложились на Севере и, в частности, в Карелии, где фактическое отсутствие крепостного права создавало возможности для развития деревянного зодчества. Поэтому здесь даже формы, перенесенные из другого строительного материала и усиленно навязываемые извне высшим духовенством (каноническое пятиглавие), получили истинно народную трактовку в духе творческого развития традиций, которые сложились в XVII в.

Примером многоглавых храмов в Карелии может служить Покровская церковь в Кижях (1764 г.). Этот памятник необычен — могучий четверик с отношением ширины к высоте 6:7 завершается небольшими повалами и несет невысокий восьмерик.

Таким образом, храмовый столп повторяет традиционную схему «восьмерика на четверике» и по своему пропорциональному построению рассчитан на нагрузку внутреннего шатра. Поэтому несколько неожиданно воспринимается легкое девятиглавое венчание храма. Такое решение, нарушающее соразмерность частей Покровской церкви, вызвано соображениями ансамблевости — необходимостью подчинения частного общему (см. ниже ансамбль Кижского погоста). В остальном композиция храма характерна для культовых сооружений второй половины XVIII в. — сени, трапезная, собственно церковь и алтарь в плане вписаны в вытянутый прямоугольник со срезанными восточными углами и образуют анфиладу помещений (рис. 43, 44).

Рис. 43. Фрагмент Покровской церкви (вид от дома Ошевнева в музее-заповеднике „Кижь“)
Фото В. Н. Брызгина

В XVII в. в средней России нередко рубились ярусные храмы, состоявшие из поставленных друг на друга последовательно уменьшающихся срубов [21, с. 111]. В Карелии чисто ярусные сооружения неизвестны, но зато встречаются церкви, соединившие ярусный принцип построения высотных объемов и многоглавие. Одна из них — ныне утраченная Предтеченская церковь начала XVIII в. в селе Шуя (рис. 45, А). Она состояла из двух восьмериков, поставленных на четверик основания. На углах четверика, при переходе его к восьмерику, были установлены 4 бочки с врезанными в их конек главками. Нижний восьмерик перекрывался крестчатой бочкой с 4 главками, над которой возвышался верхний восьмерик — постамент для центральной главы. Таким образом, три яруса главков, вписанные в пирамиду, создавали своеобразное наверху статичного объема четверика. Еще одна, десятая, главка венчала бочку алтаря.

Композиционные принципы, заложенные в пирамидальном наверху Предтеченской церкви, получили дальнейшее развитие в Покровской церкви села Анхимово бывшего Вытегорского Покровского погоста, построенной в 1708 г.⁴¹ (сгорела в 1962 г.).

Она также состояла из двух восьмериков (рис. 45, Б). К нижнему восьмерику с четырех сторон примыкали прирубы, из которых восточный (главный) алтарь был пятистенным. Кроме того, два алтаря были пристроены с востока к северному и южному прирубам. Таким образом, основной объем Покровской церкви в плане представлял собой традиционный «круглый храм о 20-ти стенах», о котором гово-

рилось еще в «Устюжской легенде», усложненный пристройкой двух придельных алтарей.

Западную часть сооружения охватывала пятистенная трапезная с парадным трехсходным крыльцом. Прирубы по высоте образовывали два уступа, перекрытые бочками с главками (восточный прируб, кроме того, имел третий уступ алтаря). Поднимавшиеся выше верхнего уступа грани восьмерика венчались третьим ярусом главков, установленных на бочках, которые своими коньками упирались в грани второго восьмерика. Последний, в свою очередь, венчался крестчатой бочкой и центральной главой. Кроме того, три главки стояли на алтарных бочках, и, следовательно, общее количество главков равнялось 20.

Однако народное предание говорит, что первоначально Покровская церковь была 25-главой — дополнительно 4 главки были установлены на коньках крестчатой бочки, а пятая — над крыльцом (главки утрачены в 1793 г., когда церковь перестраивалась в связи с подводкой под нее каменных фундаментов).⁴² Правдоподобие народного предания подтверждается наличием на верхнем восьмерике свободных мест для четырех глав.

Покровская церковь — один из немногих памятников народного деревянного зодчества, имена строителей которого известны: на доске, прикрепленной к иконостасу храма, были поименованы 75 плотников (из них 12 женщин). Особо выделены два мастера, руководившие

Рис. 44. Фрагмент Покровской церкви (вид с колокольни)

Фото В. Н. Брязгина

Рис. 45. Многоглавые храмы

Рис. *Д. В. Воскресенского*
 А — Предтеченская церковь
 в селе Шуя; Б — Покров-
 ская церковь в селе Анхи-
 мово; В — Преображенская
 церковь в Кижях

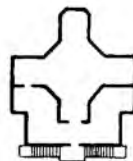
А

Б

В

строительством,— Петр Невзоров, крестьянин деревни Гозино Аневзорова на Дмитриевой горе, и Буняк, крестьянин деревни Исаковская Азеленина на Тагажмереке. Обоим к моменту окончания строительства исполнилось по 80 лет.⁴³

Покровская церковь производила очень сильное художественное впечатление, и все же в ее облике чувствовалась незавершенность: венчающая глава, не имевшая пьедестала, «проваливалась», нарушая стройность силуэта (положение не могли исправить и четыре утраченные главки, так как они стояли в одном уровне с центральной главой). Три алтаря усложняли и дробили основание храма, а развитое трехсходное крыльцо, само по себе очень живописное и нарядное, вытянутым с запада на восток центральным лестничным маршем подчеркивало продольную ось храма, вступая в противоречие с общей центричностью всей композиции.

Все эти недостатки были устранены в Преображенской церкви в Кижях, построенной 6 лет спустя,— в 1714 г. (рис. 45, В). Здесь ярусный остов храма дополнился третьим восьмериком — основанием для центральной главы, а ориентированные по сторонам света грани второго, промежуточного, восьмерика увенчались четырьмя главками на бочках. Таким образом, общее количество ярусов главок в Преображенской церкви достигло пяти, а число самих главок, включая алтарную,— 22.

Если в анхимовской церкви главки, далеко отстоящие от сруба, топорщились, как перья взъерошенной птицы, то в церкви Преображения сокращение выноса бочек позволило сблизить главки

между собой, а в трех нижних ярусах — даже вдвинуть в выпшележащие бочки и тем самым вписать сооружение в четкий пирамидальный объем. И недаром самая статичная из всех геометрических фигур — пирамида — в Преображенском храме наполнилась внутренней динамикой избегающих вверх ярусов главок; подчеркнутая монументальность органично соединилась с яркой высотностью, а изысканная, почти сказочная нарядность многоглавия — с четкостью силуэта, характерной для шатровых храмов.

Продолжая сравнительный анализ церквей в Анхимове и Кижях, можно легко убедиться, что некоторые композиционные решения, намеченные в первой из них, были уточнены и доработаны во второй. В частности, замена трех алтарных прирубов одним и трехсходного крыльца двухсходным, развернутым вдоль западного фасада трапезной, придала церкви Преображения большую целостность и усилила ее центричность.

Если учесть, что интервал между строительством Покровской и Преображенской церквей составляет всего 6 лет, а во всей предыдущей и последующей истории народного деревянного зодчества не было тождественных сооружений, можно предположить, что памятники являются этапами творческого пути одних и тех же зодчих — Буняка и Невзорова. А если вспомнить возраст мастеров, то Преображенскую церковь можно рассматривать как лебединую песню гениальных самородков.

Показательна закономерность градации размеров главок по ярусам: в Преображенской церкви главки четвертого, предпоследнего, яруса самые маленькие,

контрастно подчеркивающие величие его центральной главы. В Покровской церкви, наоборот, с центральной главой соседствовали относительно крупные главки третьего яруса. Но ведь в храме был целиком утрачен четвертый ярус главок, который, судя по размерам крестчатой бочки, был самым маленьким! Разнятся и остальные главки — в первом ярусе они больше, чем во втором и четвертом, но меньше, чем в третьем. Варьирование размеров главок помогло избежать монотонности и сухого геометризма, причем относительно крупные главки третьего яруса одновременно выделяли в объемном решении сооружений главный, нижний, восьмерик.

Тождественность в мелких деталях и чисто вкусовых нюансах дополнительно подтверждает гипотезу о едином творце двух замечательных памятников, так как в противном случае маловероятно, чтобы большой художник, творчески развивая основной замысел своего предшественника, стал бы так скрупулезно копировать его в мелочах.

Преображенская церковь в русском деревянном зодчестве — явление исключительное и одновременно типичное. Типичное потому, что в основу ее композиции положены традиционные, проверенные на практике приемы и детали. Исключительное потому, что в новом сочетании традиционные элементы достигли небывалого звучания.

Художественный образ памятника с исчерпывающей полнотой отражает и декоративные тенденции своего времени, и общий эмоциональный подъем населения Карелии в связи с победами России в Северной войне, положившими конец опустошительным шведским набегам. Но

обобщенные идеи и выражающая их символика объемов и деталей (высотность — величие и торжество победы, многоглавие — сплоченность и т. д.) не поменяли архитектуре храма оставаться предельно конкретной: центричность и всефасадность Преображенской церкви — не отвлеченный композиционный прием, а прямое следствие постановки сооружения на острове с возможностью подхода и подъезда со всех сторон. Точно так же пирамидальность храма продиктована особенностью ландшафта — ни один другой объем не смог бы так уверенно «оседлать» пологий гребень Кижского острова и господствовать в пространстве, не затерявшись среди многочисленных островов Заонежья. Преображенская церковь в Кижях — блестящий итог эволюции многоглавых храмов и одно из величайших произведений деревянного зодчества.

Более полутора веков формировался существующий ныне Кижский ансамбль (рис. 46). В 1714 г. была построена многоглавая церковь Преображения вместо сгоревшей шатровой предшественницы, спустя полвека — Покровская, а еще через 110 лет — колокольня. За это время народное деревянное зодчество прошло путь от расцвета начала XVIII в. к упадку в конце XIX столетия. И тем не менее, несмотря на меняющиеся вкусы и взгляды на архитектуру, создатели ансамбля сумели сохранить его целостность (характер ансамбля определила архитектура Преображенского храма). Не случайно Покровская церковь увенчалась не шатром, а девятиглавием, вторя двадцати

Рис. 46. Кижский погост
Фото Б. П. Бойцова

двум главам церкви Преображения. Не случайно и сходство крылец двух церквей. Но крыльцо Покровской церкви решено асимметричным, обращенным лестничным маршем в сторону главного сооружения погоста. Все это преследовало цель создания целостности ансамбля путем подчинения новой церкви Преображенскому храму. И вместе с тем зодчие понимали свою задачу не однозначно и пытались обогатить ансамбль, внести в него новые черты,— Покровская церковь противопоставила центричной двадцатиглавой пирамиде свой вытянутый с запада на восток объем.

Особенно наглядно чувство ансамблевости проявилось при строительстве колокольни, проект которой в 1874 году утвердила губернская строительная комиссия. Ее создатель — крестьянин Повенецкого уезда Сысой Осипович Петрухин,⁴⁴ сообразуясь со вкусами своего времени, обшил сооружение, раскреповал углы четверика пилястрами, прорезал арочные проемы. Но, несмотря на чуждые деревянному зодчеству детали, колокольня гармонично вливалась в ансамбль. Она традиционна по типу — шатровая, «восьмерик на четверике», с девятистолбной звонницей. Интересно, что четверик ее основания составляет две трети от общей высоты сруба, соответствуя прямоугольным прирубам Преображенского храма и четверику церкви Покрова.

Общее горизонтальное членение усилило единство трех зданий погоста. Показательно, что предшественница существующей колокольни, судя по известной гравюре Озерецковского [33], имела традиционный для древних построек такого типа очень низкий четверик. Следова-

но, в данном случае в позднейшем сооружении более полно проявилось понимание законов архитектурного единства. Колокольня не только органично влилась в ансамбль Кижского погоста, но и разнобразила его, противопоставив живописным громадам храмов вертикаль своего шатрового столпа.

Индивидуальные особенности трех сооружений Кижского погоста предопределили многообразие его восприятия — в зависимости от точек зрения памятники попеременно берут на себя роль композиционного центра ансамбля, образуя различные, порой неожиданные и причудливые сочетания объемов и силуэтов.

Формирование ансамбля Кижского погоста — пример, достойный подражания. Здесь ярко проявилось глубокое понимание творческих замыслов предшественников и бережное к ним отношение, чуждое рабского копирования. Каждая последующая постройка, созвучная ансамблю в целом, являлась характерным сооружением своей эпохи. Здесь мастерски использовались местные художественные традиции и определенный круг ассоциаций, рожденных древними шатровыми предшественниками существующих памятников, но отголоски этих традиций и ассоциаций выражались языком архитектурных форм, соответствующих художественному мышлению XVII—XVIII столетий.

В XVII в. возник еще один тип храмов — кубоватые церкви, увенчанные своеобразным покрытием в виде шатра (обычно четырехгранного) с изогнутыми по килевидной кривой гранями. Куб, напоминающий по силуэту алтарную бочку, чаще всего перекрывал квадратные

Рис. 47. Петропавловская церковь в селе
Вирма

Фото В. П. Бойцова

в плане срубы и, в свою очередь, венчался одной или пятью главками. Возникновение такого покрытия, замысловатого и нарядного, безусловно, связано с декоративными тенденциями искусства XVII в. [12, с. 43].

В Карелии одноглавые и кубоватые храмы были представлены ныне не существующей Пятницкой церковью в селе Шуереевское (1666 г.) [12, с. 145, рис. 330—333]. Очень интересна Петропавловская

церковь в поморском селе Вирма (Беломорский район), увенчанная пятиглавым кубом, в вершине которого установлена центральная глава, а на ребрах — 4 боковых (рис. 47). С востока к четверику храма примыкает пятистенный алтарь, перекрытый бочкой, с запада — трапезная и сени, полностью переделанные

в начале XX в. Несмотря на обшивку и переделки, сильно искажившие облик храма, он очень живописен и наряден, а своеобразный характерный силуэт, привлекающий к себе внимание, помогает этому небольшому сооружению доминировать над застройкой села.

Головастый куб, упругость которого угадывается даже под поздней обшивкой, превратившей его в подобие колпака с изломанными ребрами, алтарная бочка, крупные главки, сильные повалы четверика и алтаря — все формы церкви очень масштабны по отношению к широкой пойме реки Вирмы. Звучание памятника усиливает контраст между его пластическим богатством и скудностью северной природы — чахлыми сосенками и нагромождением валунов.

В интерьере храма привлекает внимание сохранившийся от старой трапезной резной столб. Его резьба очень выразительна — сочные дыньки, разделенные вставкой из плоского орнамента, обрамленного резными жгутами с розетками. Между верхней дынькой и оголовком столба проходит пояс городкового орнамента и валик. Столб окрашен в красный цвет с желтым оголовком, а орнамент выделен зеленым. Применение дополнительных цветов — красного и зеленого — усиливает цветовой контраст и помогает орнаменту четче восприниматься в условиях скудно освещенной трапезной.

Композиционный центр интерьера церкви — резной позолоченный иконостас с любопытными панелями, расписанными крупным белым орнаментом, оконтуренным черными линиями, и более мелким цветным орнаментом по красному фону (Следов старого тяблового иконостаса не

сохранилось). Живопись иконостаса была представлена великолепным собранием икон XVI—XVIII веков (вывезены экспедициями КМИИ).

Из конструкций храма заслуживает внимания сам куб. Он рублен из бревен «в реж» и установлен на внутреннем шестивенцовом четверике, который, в свою очередь, врублен в наружные стены на уровне низа подвалов. Пространственную жесткость кубу придают пересекающиеся под прямым углом две стены, врубленные во внутренний четверик.

Обычно Петропавловскую церковь датируют 1759 или 1699 г., однако в делах Сумского прихода за 1852 г. указано, что церковь в селе Вирма «во имя Петра и Павла построена около 1625 г. при игумене Варфоломее честные обители Соловецкие...»⁴⁵. Датировка подтверждается записями 1831 г.⁴⁶, а также надписью на резном тябле, обнаруженном в сенях при ремонте церкви в 1958 г.: «Лета 7147 (1639 г.) месяца сентября в 8 день поновили храм святых верховных апостолов Петра и Павла при игумене Варфоломее честные обители Соловецкие».

Таким образом, скорее всего Петропавловская церковь построена в первой трети XVII в. Правда, возможно, что в середине XVIII в. (около 1759 г.) она перестраивалась. В частности, существует мнение, что в это время переделывался верх храма. Но о подобной капитальной перестройке нет никаких упоминаний в документах Сумского прихода XIX—XX веков, в то время как о ремонте Петропавловской церкви в 1635 г. можно найти сведения в записях за 1911 г.⁴⁷

Маловероятно, чтобы человеческая память донесла до начала XX в. воспомина-

ния о ремонте 1635 г., не сохранив дату поздней перестройки. Кроме того, общее пропорциональное построение старой части храма (четверпка церкви и алтарного прируба) не дает основания предполагать, что существующему кубу предшествовал иной тип покрытия. Следовательно, Петропавловская церковь является самой древней из всех известных на Руси кубоватых церквей. Ее датировка первой третью XVII в. опровергает распространенную гипотезу о том, что кубоватое покрытие возникло после воссоединения России с Украиной (1654 г.) под влияни-

Рис. 48. Ильинская церковь Водлозерско-Ильинского погоста

Фото Б. П. Бойцова

ем украинской архитектуры с ее приверженностью к криволинейным очертаниям.

Другой сохранившийся в Карелии кубоватый храм — Ильинская церковь Водлозерско-Ильинского погоста — расположен на острове среди просторов Водлозера в древнем Пудожском краю⁴⁸. Ильинская церковь, построенная «тщанием прихожан» в 1797 г., является, по словам А. В. Ополонникова, впервые в 1947 г.

обследовавшего и обмерившего ее, одним из сооружений, замыкающих многовековой путь развития русского деревянного зодчества [26, с. 163]. Прямоугольный алтарь перекрыт двускатной крышей, переходящей в маленькую бочку. Четверик церкви с кубоватым покрытием, горизонтальный объем трапезной и сеней под двускатной крышей, и, наконец, пристроенная по оси храма колокольня, увенчанная приплюснутым куполом и шпилем (до 1902 г. колокольня имела шатровое навершие [26, с. 135]) — таков облик Ильинской церкви (рис. 48).

В отличие от покрытия Петропавловской церкви в Вирме здесь лишь центральная глава установлена в вершине куба, а четыре боковых — на полицах четверика. Вероятно, изменение традиционного приема в Ильинской церкви вызвано стремлением более полно отразить каноническое пятиглавие.

Требованиями церковных канонов обусловлены и некоторые другие особенности сооружения — сени, трапезная, церковь и алтарь образуют торжественную анфиладу, причем площадь собственно церкви превышает площадь трапезной, а двухпрестольный алтарь (Ильи Пророка и Успения Богородицы) необычайно просторен — его площадь более 35 квадратных метров.

По мнению А. В. Ополовникова, «традиции шатровой архитектуры не были сильны в Ильинском погосте» [26, с. 165]. Однако такое предположение опровергается документами из дела Олонецкой духовной консистории за 1797 г.⁴⁹, где указывается, что в консисторию было направлено прошение о разрешении вместо обветшавшей древней церкви на Водлозере

построить новую «во имя того же пророка Ильи с приделом Успения пресвятой Богородицы шатровую, длиною пяти сажен и шириною такового же мерою, вышиною... до осьмерика пяти сажен, а от осьмерика двух — прописанного в том прошении размеру». Из этой записи видно, что у ныне существующей церкви была шатровая предшественница. Но духовные власти не разрешили новую церковь строить по старому образцу, приказав: «...По примеру церквей, имеющих в построении, с хорошим видом, сочинить при консистории план...», имеющуюся ветхую церковь разобрать, и на том месте «в сходственность плана» заложить новую. Таким образом, Ильинская церковь строилась по официальному проекту.

Записи в делах консистории объясняют и некоторые планировочные особенности церкви. Так, незначительные размеры трапезной, очевидно, вызваны тем, что «трапеза в рассуждении церкви менее назначена для того, чтобы приходящие более слышать могли, что поют и читают». То есть, другими словами, на закате деревянного зодчества духовенство, подчиняя планировку храма требованиям культового церемониала, окончательно пресекло возможность использования трапезной в мирских целях. В Ильинской церкви эта тенденция получила свое логическое завершение в XIX в., когда трапезная вообще была превращена во вторую, теплую, церковь путем устройства в ней Васильевского престола.

Но даже имея проект, народные мастера кое в чем отступили от него,

Рис. 49. Лукостровский погост
Фото Б. П. Бойцова

повинуясь «велению» своего сердца». Так, в упомянутых делах Олонецкой консистории констатировалось, что Ильинская церковь оказалась выстроенной с отступлением от «данного из консистории на то строительство плана».⁵⁰ Художественное чутье помогло зодчим гармонично связать сооружение с ландшафтом, поставив церковь как видимый издалека маяк на мысу острова. Верность духу классического деревянного зодчества обусловила черты монументальности, присущие четверику храма с его упругими повалами. Понимание законов взаимодействия архитектурных объемов определило остроту противопоставления вертикалей церкви и колокольни с подчеркнутой горизонтальностью рубленой ограды и входа.

В плане ограда представляет собой вытянутый неправильный многоугольник, внутри которого, в юго-западной части, находится сама церковь, а к востоку от нее — кладбище. Как отмечает А. В. Ополовников, рубленая ограда Водлозерско-Ильинского погоста своим происхождением связана с крепостными стенами, сохраняя в миниатюре их формы и конструкции. Ее основа — треугольные бревенчатые ряжи, поставленные вершинами внутрь таким образом, что ограда является продолжением наружных сторон треугольников, а на их вершины уложены бревенчатые прогоны. Верхние бревна ограды, прогоны и коньковая слега, уложенная на перемышки ряжей, служат основанием тесовой кровли [26, с. 165—166]. Входные ворота и фланкирующие их пятистенные срубы-лавки объединены двускатной крышей в единый горизонтальный объем.

Интересно сопоставить ограду Водло-

зерско-Ильинского погоста с оградой Лукостровского⁵¹ и воротами Колодозерского⁵² погостов (рис. 49). Так, на Лукострове ряжи имеют в плане не треугольную, а прямоугольную форму, князевые слуги поддерживаются стойками и попарно скрещенными стропильными ногами, нижний ярус колокольни служит входными воротами, а лавки решены асимметрично и расположены к западу от входа.

Ближе по композиции воротам Водлозерско-Ильинского погоста аналогичные ворота в деревне Колодозеро, в которых также есть фланкирующие лавки. Но если первые ворота образуют единый горизонтальный объем, который вместе с протяженной оградой контрастно противопоставлен и соподчинен церкви, то в Колодозере арочный проем ворот акцентирован небольшой башенкой, а торговый ряд с глубоким двухметровым навесом перед главным фасадом общей протяженностью почти 26 м завершается выступающими вперед амбарами, которые как бы охватывают торговую площадь и намечают ее границы. Этот пример еще раз подтверждает, что в народном зодчестве тождественные по назначению сооружения в зависимости от конкретных функциональных или художественных задач решались по-разному, а повторение отдельных элементов и деталей не препятствовало достижению разнообразия целого.

История проектирования и строительства Ильинской церкви на Водлозере показывает, как высшее духовенство, не сумев в течение целого столетия подчинить себе народное деревянное зодчество, нашло, наконец, в конце XVIII в. средство против «архитектурной ереси» — строи-

тельство храмов теперь разрешалось вести по официально утвержденным проектам. Синод в указах 1826 и 1828 гг. предписывал, чтобы «церкви вообще в государстве строены были по планам и фасадам согласно правилам архитектуры».⁵³ Не случайно, что часовни, строительство которых меньше контролировалось церковными властями, дольше сохраняли верность традициям классического деревянного зодчества, а некоторые из них, построенные даже в середине XIX в., вошли в замечательную сокровищницу народного искусства.

Рассказ о культовой архитектуре Карелии будет неполным, если не упомянуть о самых крошечных культовых постройках — п р и д о р о ж н ы х или п о к л о н

н ы х к р е с т а х, кое-где сохранившихся в деревнях Карелии. Иногда они стоят под изящными навесами — четырьмя резными квадратными или круглыми столбами, поддерживающими двускатную крышу, которая в миниатюре повторяет конструктивно-декоративные детали крыш крестьянских изб. Символично использование в качестве декоративных элементов деталей гражданских построек: культовое и гражданское деревянное зодчество тесно переплеталось между собой. Причем эта связь обуславливалась не только общностью происхождения и применяемого строительного материала, — одни и те же плотники рубили избы и храмы, амбары и часовни, стремясь воплотить в дереве свои представления о красоте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, прежде всего необходимо ответить на вопрос, поставленный в начале книги: имеет ли народное зодчество карел свои национальные особенности? Естественно, что ответ не может быть односложным и потребует обобщения фактов, изложенных в разных разделах книги.

Сильное влияние русского зодчества сказывается во всех областях архитектурно-строительной деятельности карел и выражается в заимствовании ими у великоруссов планировочных решений, типов сооружений и отдельных деталей. Но из всего многообразия форм и приемов русской архитектуры заимствовались лишь те, которые соответствовали национальным традициям и вкусам карел. Кроме того, все заимствования подвергались определенной, строго закономерной переработке, что обусловило появление ряда особенностей, которые можно проследить и в гражданской, и в культовой архитектуре. К числу таких особенностей, прежде всего, относятся беспорядочность планировки деревень, способ дымоудаления из курных изб, трапециевидная форма наката амбаров и по-

толков изб, крыши из жердей и бескурный вариант тесовых крыш. Часть особенностей обусловлена своеобразным соединением традиционных и заимствованных у русских форм и деталей — печи с камельком, бревна для гнутья полозьев в интерьерах изб и брусья для сушки сетей на фасадах, выкружка основания декоративного балкона, подвешенная к фасадному брусу. И, наконец, третья группа особенностей, возникшая в результате переработки заимствованных форм в духе национальных традиций, — потоки с их самобытной орнаментикой, рисунок балконной решетки, волютные наличники.

Направление и общий характер переработки показывают, что в ее основе было заложено стремление предельно приблизить архитектурные формы к формам природным или подчинить их действующим в природе закономерностям — ведь степень воздействия природы на культуру народа тем сильнее, чем ниже уровень его развития. А в этом отношении до Великой Октябрьской революции карелы значительно уступали русским. Воздействие природы непосредственно отразилось в религии в виде многочисленных языче-

ских представлений, причудливо переплелившихся с христианством, а в архитектуре определило черты рационализма и естественности, ярко проявившиеся как при решении технических, так и чисто художественных задач.

Для деревянного зодчества карел характерна особая традиционность — прямое следствие сохранения у них пережитков первобытно-общинного строя и большой устойчивости бытового и хозяйственного уклада. Традиционность карельской архитектуры не только содействовала длительному сохранению древних самобытных форм, но и неизменности форм, заимствованных извне, — трехкопных четырехстенных срубов домов, брусов-пятистенков с несимметричным перерубом. Она определила преемственность между различными видами народного творчества (например, между вышивками и орнаментикой причелин) и породила такие своеобразные декоративные приемы, как круглые подвески под причелинами — имитацию выходящих на фасад торцов слез.

«Природоподражание» и традиционность — две основные тенденции карельской архитектуры — взаимосвязаны и, по существу, являются отражением особенностей исторического развития народа.

На различных этапах формирования карельского деревянного зодчества в нем возникали разные традиции, как непосредственно связанные с преходящими конкретными социально-экономическими условиями жизни, так и обусловленные более устойчивыми закономерностями развития — особенностями мировосприятия, отношением к природе, вкусами народа. Первые традиции, как правило,

проявляются в доживающих свой век архаичных сооружениях и конструкциях. Наоборот, многие из устойчивых традиций непрерывно развивались и нередко достигали наивысшего расцвета в первой половине XIX в. К ним относятся художественные традиции, основанные на глубоком знании и умелом использовании природно-климатических условий края, — силуэтность, геометризация и укрупнение орнаментальных мотивов, своеобразное понимание с языческих позиций единства природы и архитектуры, порой достигающее удивительной глубины художественного обобщения (например, шишкообразные главки часовни в деревне Коккойла).

Все перечисленные архитектурные особенности и тенденции их формирования в своей совокупности присущи карельскому народу и обусловлены закономерностями его исторического развития, поэтому их можно классифицировать как национальные особенности архитектуры карел. А наличие в последней устойчивых традиций показывает, что она являлась жизнеспособным искусством, развивающимся в общем русле деревянного зодчества Севера. Об этом же говорят примеры обратного влияния архитектуры карел на некоторые русские постройки края (например, курные избы Заонежья). И не случайно, когда традиции русской и карельской архитектуры органично слились, возникло необычайно яркое и самобытное явление в народном искусстве — Прионежская школа шатровых храмов и ее лучший представитель — Успенская церковь в Кондопоге.

Разумеется, сейчас нелепо было бы говорить о механическом перенесении

форм деревянного зодчества в современное строительство. Речь может идти лишь о творческом использовании не каких-то конкретных памятников, а прогрессивных тенденций развития архитектуры, не отдельных элементов и деталей, а особенностей их образования. А поскольку архитектура карел отразила закономерности окружающего мира, многие ее традиции остались актуальными до сих пор.

Практическую ценность сохраняют как основная планировочная тенденция карел к свободной живописности и органичному слиянию с природой, так и силуэтные решения их сооружений, подчеркнуто обостренные и четкие, велико-

лечно учитывающие условия освещенности на Севере; как опыт народных мастеров по созданию из многократно повторяемых элементов разнообразных сооружений, так и их удивительное умение «эмоционально наполнять» архитектурные формы, используя детали как средство идейно-художественной расшифровки и индивидуализации архитектурного образа сооружений. Поэтому, хотя мерилom успеха для архитекторов Советской Карелии всегда будут талант и мастерство, фундамент этого успеха — изучение и проникновение в сокровенные глубины национального деревянного зодчества карельского народа.

¹ ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 2541, л. 6.

² У карел, как и многих других народов Крайнего Севера, род сохранился до XIX в., а весьма сильные пережитки его — до XX в. [29, стр. 24].

³ Дом Котова; впервые обследован автором в 1950 г. В середине 60-х гг. дом был разрушен.

⁴ Северо-запад Медвежьегогорского района составляет часть территории, заселенной собственно карелами; административным центром ее в прошлом являлся Паданский погост.

⁵ Часовня в Пелкуле и описанная ниже часовня в Лазареве были обследованы автором совместно с Ю. П. Гнедовским, В. В. Кувырдиным и Г. И. Меховой в 1951 г. Часовня в Пелкуле сгорела от молнии летом 1971 г.

⁶ Обследована в 1969 году автором совместно с Б. П. Бойцовым и В. Ф. Хеглунд.

⁷ Заонежский полуостров расположен в северной части Онежского озера; в начале второго тысячелетия являлся составной частью Обонежской пятины Великого Новгорода. Население русское, состоящее преимущественно из потомков повгородцев.

На территории полуострова сосредоточено более половины всех сохранившихся памятников деревянного зодчества Карелии. В настоящее время входит в состав Медвежьегогорского района.

⁸ Часовня Михаила Архангела обследована автором совместно с Б. П. Бойцовым и В. Ф. Хеглунд в 1969 г.

⁹ Отмеченные Петерсоном на примере заонежских памятников закономерности, по наблюдениям автора, в основном сохраняются и в других частях Карелии.

Условные сокращения: ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов; ЦГИА — Центральный государственный исторический архив; Петрозаводский Г. А. — Петрозаводский государственный архив; КМИИ — Карельский музей изобразительных искусств; ДОДК — Дела Олонецкой духовной консистории.

КОММЕНТАРИИ

¹⁰ Основание часовни и надстройка колокольни датированы Л. Петерсоном по отчету Карасозерского прихода за 1871 г. [42, стр. 327].

¹¹ Постройка разновременна. Наиболее древняя ее часть — собственно часовня и трапезная — датируются А. В. Ополовниковым концом XVII в. [26, стр. 141], но, судя по прямоугольному сопряжению боковых косяков окон и дверей с нижележащими бревнами и по характеру живописи «неба», можно заключить, что часовня построена не ранее середины XVIII века.

¹² Датирована по конструктивным особенностям.

¹³ Датирована Л. Петерсоном по надписи на колоколе [42, стр. 334].

¹⁴ Согласно отчету Типиничского прихода за 1863 г. [42, стр. 331].

¹⁵ Петрозаводский Г. А., ДОДК, ф. 25, 1891 г., оп. 2, д. 24/1639, л. 440.

¹⁶ Там же, ф. 130, 1912 г., оп. 1, д. 10/133, л. 6.

¹⁷ Часовня обследована автором совместно с В. П. Розиным в 1952 г.

¹⁸ Памятник обследован автором совместно с В. П. Розиным в 1952 г. и датирован по архитектурно-конструктивным признакам.

¹⁹ Несоответствие между плановым и объемным решениями наблюдается в древнейших шатровых храмах на Муезерском погосте и в с. Челмужи (см.

раздел «Шатровые храмы»), а пол звонницы опущен ниже полиц крыши в колокольне XVI в. в с. Кулига.

²⁰ Часовня обследована в 1950 г. и датируется по архитектурно-конструктивным признакам Б. В. Гнедовским и М. Г. Старченко.

²¹ Имеется в виду отчет В. Г. Брюсовой об обследовании Пряжинского района КФССР Карельскому музею изобразительных искусств.

²² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, вып. III, стр. 118, метрика 1887 г., № 139.

²³ Датирована в соответствии с надписью на восьмерике, подлинность которой подтверждает и А. А. Молчанов [23, стр. 114]. Церковь обследована автором совместно с Ю. П. Гнедовским, В. В. Кувырдиным и Г. И. Меховой в 1951 году.

²⁴ В «Известиях императорской археологической комиссии» (вып. 39. Спб., 1911, стр. 143) церковь датируется 1573 годом на основании надписи, обнаруженной на каменной плите в алтаре церкви. Возможно, что в 1573 году действительно была построена церковь, а к 1602 году относится надстройка восьмерика и вторичное освящение храма.

²⁵ Петрозаводский Г. А., ф. 235, 1912 г., оп. 1, д. 72/1318, л. 78.

²⁶ Первое упоминание о втором престоле относится к 1778 году (Петрозаводский Г. А., ДОДК, ф. 258, 1855 г., оп. 1, д. 6/54, л. 45).

²⁷ Петрозаводский Г. А., ДОДК, ф. 258, 1855 г., оп. 1, д. 6/54, л. 45.

²⁸ Петрозаводский Г. А., ДОДК, ф. 25, 1880 г., оп. 4, д. 42/3, л. 1.

²⁹ Освящение престола в те времена приравнивалось к основанию нового храма.

³⁰ Л. Петерсон датирует памятник 1650 г. на основании надписи на кресте, обнаруженной в алтаре церкви [42, стр. 333]. В переписке Олонецкой духов-

ной консистории за 1857 и 1874 гг. дважды упоминается о строительстве церкви в 1658 г. (Петрозаводский Г. А., ф. 29, 1857 г., оп. 15, д. 59/1285 и ф. 30, 1874 г., оп. 3, д. 16/164).

³¹ В «Известиях императорской археологической комиссии» (вып. 57, стр. 167) колокольня датируется концом XVIII в. Однако, судя по характеру косячатых окон и дверей, по строго традиционной конструктивной схеме и рубке всего сруба, включая восьмерик, «в обло», колокольню можно датировать серединой XVIII в.

³² Отчет Яндомозерского прихода за 1893 год.

³³ «Известия императорской археологической комиссии», вып. 57. Пг., 1915, с. 158.

³⁴ Существует мнение, что Успенская церковь воздвигнута в память о погибших участниках восстания.

³⁵ Обычно Вознесенскую церковь датируют 1781 г. («Известия императорской археологической комиссии», вып. 57. Пг., 1915, стр. 164), но в отчетах Типиничского прихода за 1882 г. указывается, что церковь построена в 1761 г. [42, стр. 331].

³⁶ При реставрационных работах в 50-х гг. был занижен и скособолен шатер церкви и уменьшен диаметр барабана главки.

³⁷ «Известия Императорской археологической комиссии», вып. 57. Пг., 1915, с. 164.

³⁸ «Олонецкие губернские ведомости» за 1882 г., с. 202—203.

³⁹ Обмерены в 1913 г. архит. Д. В. Милеевым [12, стр. 69].

⁴⁰ Село Шелейки ныне входит в состав Ленинградской области.

⁴¹ Село Анхимово находится в южном Обонежье. В настоящее время входит в состав Вологодской области. Церковь датирована в соответствии с надписью на доске, прикрепленной к иконостасу: «При реке Вытегре церковь Покрова Богородицы освящена 1708 г. во время преобразования России Петра Великого I импера-

тора, перепоставлена на каменный фундамент и освящена 1 октября 1793 года...» (надпись чит. по кн. Г. Е. Евгеньева «По водным путям Северо-Запада». Л., 1953, стр. 170).

⁴² «Олонецкие губернские ведомости» за 1873 г., № 19, с. 212—213.

⁴³ Прив. по кн. Г. Е. Евгеньева «По водным путям Северо-Запада». Л., 1953, с. 170.

⁴⁴ Церковная летопись Кижского погоста за 1887 г.

⁴⁵ Петрозаводский Г. А., ф. 313, 1852 г., оп. 1, д. 1/16, л. 2.

⁴⁶ Там же, ф. 596, 1831 г., оп. 2, л. 4'14, л. 139.

⁴⁷ Там же, ф. 603, 1911 г., оп. 1, д. 1/19, л. 1.

⁴⁸ Современный Пудожский район большей частью расположен по пути перво-

начальной колонизации Новгорода, в За-волочье. Поэтому здесь очень рано обосновались русские поселенцы, ставшие преобладающим населением края.

⁴⁹ Петрозаводский Г. А., ДОДК, ф. 25, 1797 г., оп. 16, д. 6/17, л. 1, 3.

⁵⁰ Там же, л. 16 (об.).

⁵¹ Лукостровский погост — церковь Ильи Пророка и Трех Святителей, колокольня и рубленая ограда (XVIII в.) — расположен на острове, вблизи восточного побережья Онежского озера. Впервые обследован автором совместно с Э. В. Воскресенским и Б. П. Бойцовым в июле 1971 г.

⁵² Ворота обследованы автором совместно с Б. П. Бойцовым и В. Ф. Хеглунд в 1969 г.

⁵³ ЦГИА, ф. 797, оп. 3, д. 11869, л. 12 (об.).

А

Алтарь — восточная часть церкви, отделенная иконостасом или алтарной преградой.

Б

Бочка — крыша килевидной формы. Пересечение двух бочек образует крестчатую бочку.

В

Взвоз — въезд, бревенчатый пандус для въезда воза в сарай.

Вежа — сторожевая наблюдательная башня, обычно крепостного характера.

Венец — ряд бревен сруба, связанный в углах врубками.

Восьмерик — сруб, имеющий восьмигранную в плане форму.

Г

Голбчик — род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатями; припечье, со ступеньками для входа на печь и на полати, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье.

Горница — чистое помещение жилого дома.

Гульбище — галерея, охватывающая здание с нескольких сторон.

Д

Двойня — дом, жилая часть которого состоит из двух поставленных рядом изб.

Дымница — дощатая или выдолбленная из древесного ствола труба, отводящая дым из черной (курной, рудной) избы.

Ж

Жароток — заулок справа на шестке русской печи, иногда с ямкой для выгребка туда жара.

З

Звонница — площадка звона, верхняя площадка колокольни, где подвешивались колокола, огражденная балюстрадой или стеной с проемами.

И

Иконостас — алтарная преграда, отделяющая внутреннее помещение храма от

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

алтаря, составленная из нескольких рядов икон. Или иконы, расположенные на восточной стене часовни.

К

Казенка — каморка, чулан, отгороженный уголок, клетушка; перегородка в избе, откуда нет топки; деревянный пристрой к печи в избе, с дверкой.

Капище — языческий храм.

Карзина — лаз в подполье, люк. У карел название самого подполья.

Кисть (ветреница) — вертикальная, чаще всего резная, доска, закрывающая стык двух причелин.

Клеть — прямоугольный сруб, холодная изба.

Колокольня — башнеобразное сооружение для подвешивания колоколов.

Косячатый (косой) — из деревянных косяков сделанный. Косячатое окно — с косяками, колодами, для отличия от окна волокового — маленького задвижного оконца в избах, в которое также вылакивает дым в курных избах.

Красный тес — тес с фигурно вырезанными концами, чаще всего в форме наконечников усеченных пики.

Колпак — невысокое покрытие пирамидальной формы с высотой, меньшей или равной стороне основания.

Кронштейн — выпуск бревен, поддерживающий свесы крыши, гульбище, крыльцо и т. д.

Куб — покрытие в виде шатра с искривленными по форме бочки гравями.

Курица — деталь безгвоздевой крыши, крюк из елового корневища, поддерживающий поток.

Л

Лаги — горизонтально положенные бревна или пластины.

Лапа (рубка «в лапу») — соединение бревен под углом без остатка, т. е. когда концы бревен не выходят за наружные плоскости стен.

Лемех — тонкие осиновые дощечки, применяющиеся обычно при покрытии криволинейных крыш (главок, бочек, купов), подобно черепице.

Луковица — главка культовых сооружений, по форме напоминающая луковицу.

М

Матица — главная балка деревянного перекрытия.

Н

Навершье — конек, гребень, маковка; резное украшение, венчающее архитектурную деталь.

Накат — сплошной настил из бревен или пластин, уложенный на балки или стены.

Наличник — обрамление оконного или дверного проема.

Небо — потолок над культовыми помещениями в виде усеченной пирамиды.

О

Обло (рубка «в обло») — соединение бревен под углом с остатком, т. е. с выпуском концов бревен за пределы наружной плоскости стен.

П

Пластина — половина бревна.

Повал — постепенное ушрение сруба сверху по плавной кривой.

Подзор — резные доски под свесами крыши.

Подклет — помещение обычно служеб-

но-хозяйственного назначения под основными (жилыми или культовыми) помещениями.

Полица — нижняя более пологая часть крыши.

Поток — деталь безгвоздевой крыши, поддерживаемый курицами брус, в паз или четверть которого заводятся нижние концы кровельного теса.

Причелина — доска, закрывающая торцы слег.

Р

Рундук — крытая площадка наружной лестницы.

С

Самец — бревно фронтона.

Скала — гидроизоляция крыши в виде сплошного ковра из бересты.

Слега — горизонтальное бревно основания крыши.

Стамик — деревянный стержень, соединяющий шолом с коньковой («князевой») слегой.

Т

Трапезная — первоначально монастырская столовая, позднее помещение, прилегающее к западной части церкви.

Тябла — горизонтальные брусья, на которые ставились иконы («тябловый иконостас»), или ребра потолка — «неба». Часто тябла расписывались.

Ф

Фронтон (щипец) — верхняя часть торцевой стены, ограниченная двумя скатами крыши.

Ч

Четверик — квадратный в плане сруб.

Ш

Шатер — высокое пирамидальное покрытие с высотой, большей, чем сторона основания.

Шолом (охлупень) — выдолбленное снизу бревно, прижимающее к слегам верхние концы кровельного теса.

1. Вломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Востоочнославянский этнографический сборник». М., Изд-во Акад. наук СССР, 1956.

2. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение.— «Советская этнография», 1955, № 2.

3. Витов М. В. Приемы составления карт поселений.— «Вопросы источниковедения». Т. V, 1956.

4. Воронин Н. Н. Зодчество Киевской Руси. История Русского искусства. Т. I. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.

5. Габе Р. Интерьер крестьянского жилища.— «Архитектурное наследие», № 5. М., Госстройиздат, 1955.

6. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., Изд. Акад. архит. СССР, 1941.

7. Габе Р. М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. Западнофинский сборник. Л., 1930, т. XIII и XV.

8. Георгиевский М. Д. Карелы. Вестник Олонцовского губернского земства. 1908, № 6.

9. Едемский М. Б. О крестьянских постройках на севере России.— «Живая старина». Год XII, вып. I—II. СПб., 1913.

10. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. М., 1877.

11. Жеребин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1956.

12. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., Изд-во Акад. архит. СССР, 1942.

13. Золотарев Д. А. В северо-западной Карелии.— В «Карельском сборнике». Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1929.

14. Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области Карельской АССР. Л., 1927.

15. Капица Л. Л. Материалы для этнографической характеристики Кондопского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии.— В «Карельском сборнике». Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1929.

16. Карельская деревня в XVII веке. Сб.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

документов. Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941.

17. Костиков Л. В. Изба семи государей.— В сб. «Материалы по этнографии России». Т. II. СПб., Изд. Этнограф. отд. Русского музея, 1914.

18. Майнов В. Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1877.

19. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

20. Максимов П. Н., Воронин Н. Н. Деревянное зодчество XIII—XVI веков. История русского искусства, т. III. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955, с. 274.

21. Максимов П. Н. Деревянная архитектура XVII века. История русского искусства, т. IV. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

22. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

23. Молчанов А. А. Деревянная церковь Николая Чудотворца в Муезерском монастыре.— «Архитектурное наследие», № 18. М., 1969.

24. Ополовников А. В. Лазаревская церковь Муромского монастыря.— «Архитектурное наследие», № 18. М., 1969.

25. Ополовников А. В. Объяснительная записка к обмеру б. Петропавловской церкви в с. Лычный остров. Карельский государственный краеведческий музей, 1948—1949.

26. Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., Госстройиздат, 1953.

27. Орфинский В. Путь длиною 6 столетий. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1968.

28. Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотьма, 1924.

29. Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1957.

30. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнич. истории и генезиса культуры. М.—Л., «Наука», 1965.

31. Пименов В. В. К истории сложения типов поселений в Карелии.— «Советская этнография», 1964, № 2.

32. Путеводитель для посетителей музея на острове Сеурасаари. Хельсинки, 1946.

33. Путешествие академика Н. Озерцовского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1792.

34. Романов К. К. Жилой дом в Заонежье.— В сб. «Искусство Севера. Заонежье». Л., 1927.

35. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.—Л., «Наука», 1965.

36. Устюжский Летописный Свод. М.—Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

37. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Пер. с фин., ч. II. М., Изд-во иностр. лит., 1955.

38. Харузин Н. Н. Очерк развития жилища у финнов. М., 1895.

39. Blomstedt I., Sucksdorff V. Karialaisia rakennuksia. Korjistemuotoja. Helsinki, 1900, taul. 3, 4, 7, 8, 13.

40. Heikel A. Die Gebäude der Geremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors, 1888.

41. Karttunen U. Sortavalan kaupungin Historia. Sortavala, 1932, s. 303—304.

42. Pettersson L. Äänisenniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

43. Sirelius V. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki II, 1921, s. 179.

44. Valonen N. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 133. Helsinki, 1963, s. 370.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО КАРЕЛИИ

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ ОРФИНСКИЙ

Стройиздат, Ленинградское отделение, Ленинград, пл. Островского, 6.

Редактор **Б. А. Китайчик**

Художественно-технический редактор **О. В. Сперанская**

Оформление художника **Ю. С. Ушакова**

Корректор **Н. Г. Семина**

Сдано в набор 21/X 1971 г. Подписано к печати 27/X 1972 г. М-53126. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага мелов. 3,75 л. Усл. печ. л. 8,77. Уч.-изд. л. 8,32. Тираж 28 000 экз. Изд. № 1337-Л. Цена 1 р. 41 к. Заказ 4580.

Типография им. Анохина Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4